

აკადა
საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურის

ილარი

სუხუმი
1963

ქართული
ნაციონალური
ბიბლიოთეკა

Кукური Дვამი
память ои

на добрую
3671363211
01000001033

Касу

1/II-64г.

ქართული
ნაციონალური
ბიბლიოთეკა

РЕДАКТОР
доктор искусствоведческих наук
проф. В. В. БЕРИДЗЕ

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР/
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ имени Д. Н. ГУЛИА

აქადემია ნაკი გრუზინსკოი სსრ/
აბხაზური ინსტიტუტი ენის, ლიტერატურის
და ისტორიის დ. ნ. გულიას სახელით

А. К. КАЦИЯ

И Л О Р И

(ПАМЯТНИК XI ВЕКА)

ქართული
ნაციონალური
ბიბლიოთეკა

Древнейший храм, славный чудесными историческими воспоминаниями, существует в Самурзакане... части древней Колхиды. Он именуется Илори...

Ж. Шарден.

T 13.956
3

საქართველოს ეროვნული
ბიბლიოთეკა

ВВЕДЕНИЕ

საქართველოს
განათლების
მინისტროს

На юго-востоке Абхазской АССР, в трех километрах от города Очамчире, вдоль Черноморского шоссе, раскинулось село Илори. В центре его, близ речки того же названия, расположен архитектурный и исторический памятник средневековья — храм Илори. Автострада огибает храм таким образом, что, проезжая мимо, можно одинаково хорошо рассмотреть его с трех сторон — с запада, юга и востока.

Раньше храм, бывший в селе единственным каменным сооружением, доминировал над окружающей местностью, но сегодня, рядом с современными зданиями сельского Дворца культуры и правлением колхоза, он занимает подчиненное положение в создавшемся архитектурном комплексе центра села.

Вокруг храма и самого села раскинулись поля и плантации чая, табака, тунга и кукурузы, обнесенные ветрозащитными насаждениями вечнозеленых деревьев.

В прошлом заболоченные земли и неблагоприятный климат создавали невыносимые условия жизни для местного населения и, как писал Дмитрий Бакрадзе: «Илори стоит в болотном месте, окруженный густой растительностью; оттого климат летом вредный и зной невыносимый»¹.

Швейцарский путешественник XIX в. Дюбуа, характеризуя географическое положение территории, на которой расположен Илори, писал: «Самурзакань (т. е. то, что принадлежит Мурзакану) представляет узкую полосу, простирающуюся от высокой горной цепи Кавказа до моря, между реками Гализгой на северо-западе и Енгуром на юго-востоке. Берег моря все более расширяется по направлению к Мингрелии. В глубине вздымаются холмы, небольшие возвышенности, проре-

¹ Бакрадзе Д. З., Кавказ в древних памятниках христианства, Т., 1875, стр. 74.

зая гладь равнины и незаметно сливаясь с подножием высоких юрских террас»².

Илорский храм в жизни средневековой Абхазии играл большую роль, как один из ее религиозных центров. По словам итальянского католического миссионера Джозефа Дюбуа, прожившего в Мегрелии в XVII веке двадцать три года, — «знаменитая икона Иссарийская (Илорская.—А. К.) весьма чтима мингрельцами, грузинами, абхазами, и во всех окрестных странах»³. Икона эта была овеяна легендами, которые приносили ей славу, а вместе с нею и богатства в ризницу церкви.

Илорский храм по своему назначению является местом отправления православного богослужения. Он был построен в местности освященной культом языческих верований местного населения, и можно сделать предположение, что здесь некогда могло быть капище дохристианского культа.

В настоящей работе поставлена задача изучения Илорского храма как памятника средневековой архитектуры Абхазии на фоне исторического развития края и его народа, в религиозной жизни которого Илори занимал значительное место. Отсутствие каких-либо письменных или же других достоверных источников о времени сооружения Илорского храма определяет необходимость разрешения вопроса датировки художественно-стилистическим анализом.

Процессу изучения художественного облика здания, его конструкции, строительных принципов и приемов исполнения, которые бы позволили восстановить первоначальный вид сооружения, препятствовали условия, в которых находится храм в настоящее время. Здание и все его пристройки оштукатурены и забелены, а интерьер выкрашен масляными красками. В довершение к этому церковь действующая и поэтому в настоящее время не представилась возможность полного и всестороннего ее изучения. Но и те мероприятия, которые удалось провести, а также имеющиеся в нашем распоряжении данные, все же дают возможность получить определенное представление о сооружении.

² Дюбуа де Монперэ, Путешествие вокруг Кавказа, т. I, Сух. 1937, стр. 160.

³ Шарден Ж., Путешествие по Закавказью, Т., 1902, стр. 59.

В первую очередь удалось в некоторых местах заложить шурфы и сделать зондаж, в результате чего были уточнены многие существенные принципы конструкции храма. Затем была произведена расчистка декоративного убранства, рельефа и надписей на фасадах, замазанных многократными слоями известковой побелки. Кроме этого, была проведена работа по раскрытию части штукатурки, покрывавшей древний декор фасадов южного притвора.

Были произведены обмеры храма и его составных частей. Подробно изучены и сопоставлены все наиболее важные архитектурные фрагменты. Однако все полученные материалы не могли обеспечить необходимыми данными для разрешения поставленной задачи. В окончательном ее решении помогли сложившиеся известные строительные традиции в грузинской архитектуре, характерные для каждой определенной эпохи, каждой области и непрерывно развивавшиеся. Кроме того, несомненно то, что в большинстве случаев эти традиции прочны в единых историко-экономических и этнических группах, занимающих определенную территорию. Таким образом, можно будет положиться на те материалы, которые мы привлекли из публикаций уже изученных архитектурных памятников зодчества, а также на данные о расположенных вблизи Илори архитектурных памятниках, находящихся в различном состоянии сохранности, в основном же отбирались те из них, которые по типу ближе всего стоят к Илорскому храму.

* *
*

Благоприятные условия Абхазии, приютившейся на южном склоне Кавказа и омываемой Черным морем, способствовали зарождению на ее территории древней культуры, о дальнейшем развитии которой свидетельствуют многочисленные памятники ее народа, называющего себя апсуа, а страну свою Апсны, что в переводе с абхазского означает «страна народа души».

Наследие материальной культуры народа привлекало к себе внимание многих иностранцев, приезжавших в Абхазию в разное время в качестве путешественников, торговцев, миссионеров, послов и т. д. Цели их были разны по своему назна-

чению, но по существу сводились к одному — к знакомству с краем, с его культурным, политическим и экономическим состоянием. Это были разного рода люди, с различными профессиями, образованием, интеллектуальным уровнем, взглядами и интересами. Ими оставлены различные документальные свидетельства о своем пребывании и впечатлениях об Абхазии в виде путевых заметок, информации, отчетов, рапортов, иногда описаний, зарисовок и т. д. Следует иметь в виду, что все эти свидетельства порою носят крайне неоднородный и случайный характер, часто встречаются поверхностные наблюдения, противоречивые данные и положения, а затем неверные суждения и выводы, которыми их авторы стараются обосновать свои псевдо-научные теоретические рассуждения. Но многие из них содержат в себе богатый и разнообразный фактический материал, имеющий большое значение для всестороннего изучения края. Во всех материалах лишь по крупицам можно собрать сведения, которые могут в некоторой мере удовлетворить исследователя памятников искусства Абхазии.

Следует оговориться, что в данном обзоре речь будет идти лишь о тех авторах, которые сами побывали в Илори. Работы же остальных авторов, из которых были извлечены те или иные необходимые для данной работы сведения или же положения, даны в списках. Кроме того, необходимо принять во внимание, что храм никем из них не изучался и поэтому не следует ожидать какого-либо исследования или же хотя бы профессиональной оценки Илори, как памятника материальной культуры средневековой Абхазии.

Первые свидетельства иностранцев об Илорском храме относятся к XVII в. В результате церковных реформ в XVI веке от католической церкви отпал ряд европейских стран и поэтому папа римский решил возместить эту утрату за счет привлечения в лоно своей церкви народов, исповедывавших православие. Особое внимание уделялось Грузии и при этом учитывалось ее политическое положение, т. е. постоянная угроза посягательства на нее со стороны мусульманских стран — Турции и Персии.

С целью пропаганды католицизма, начиная с 1626 года и вплоть до конца XVII века, в Грузию интенсивно направля-

лись миссионеры. В числе побывавших в Илори были итальянские монахи театинского ордена Арканджело Ламберти, художник Кристофоро Каstellи и Иосиф Цампи. За время своего пребывания они изучили страну, народ, его язык и обычаи. Каждый из них вел свои наблюдения и записывал их.

По возвращении на родину Ламберти издал в Неаполе в 1654 году «Сообщение о Колхиде», а в 1657 году «Обширную историю колхов»⁴. Наряду с освещением истории, положения края и его населения, значительное место отводится описанию церковной организации, монастырей и церквей, религиозных праздников и т. д. Здесь впервые упоминается Илори, как особая святая абхазов и мегрелов, известная во всей Западной Грузии и дается описание жизни храма, его ценностей в легенде, связанных с ним.

Многочисленные яркие и характерные рисунки Каstellи дают наглядное представление о населении Мегрелии и Абхазии, их трудовой деятельности, жилищах и храмах⁵.

Иосиф Цампи написал очерк о становлении христианства в Мегрелии, об устройстве церковной иерархии, подробно описал некоторые храмы, в частности Илори, их убранство, реликвии, обряды жертвоприношения, литургии и проведения религиозных праздников. Свой труд Цампи подарил, побывавшему в Мегрелии в 1672 году, французскому коммерсанту Жану Шардену. В 1687 году Шарден издал в Лионе книгу «Путешествие по Закавказью», в которой описывает свое двухлетнее пребывание в Мегрелии и в нее включает сочинение отца Цампи.

В это же время наблюдается оживление отношений между Грузией и Россией. В ответ на посольство в Москву мегрельского владетеля Левана Дадiani в Мегрелию приезжают в 1639 году послы русского царя Михаила толмач Федот Елчин и священник Павел Захарьев с поручением собрать под-

⁴ Работа Ламберти переведена на русский язык и издана в Тифлисе в 1902 году под названием «Описание Колхиды, ныне именуемой Мингрелией».

⁵ Интересные материалы Каstellи частично были использованы некоторыми последующими исследователями Кавказа (М. Тамарашвили, Г. Аллен и др.), в настоящее же время Институт истории АН СССР готовит полное издание его рисунков.

робные сведения о стране и обследовать состояние ее религии. Каждый из них составил «статейный список», отражающий добытые ими сведения и личные наблюдения. В них так же много места уделено церковной и религиозной жизни Мегрелии и Абхазии, которую они посетили. Вывыной интерес представляют их описания внутреннего убранства Илорской церкви, ее ризницы и т. д.

После длительного перерыва, вызванного турецкой экспансией в Закавказье, в XIX веке снова наблюдается оживление интереса европейских путешественников к Абхазии. В 1833 году ее посетил швейцарский ученый археолог и натуралист Фредерик Дюбуа де-Монперэ. Результатом многостороннего изучения Кавказа, населяющих его народов, их жизни и культурного наследия явился многотомный труд «Путешествие вокруг Кавказа», изданный в Париже в 1839 — 1843 годах⁶. Это фактически первая научная работа, в которой описаны памятники искусства прошлого, многие из которых после Дюбуа, вследствие деятельности «Общества восстановления христианства на Кавказе» потеряли свой первоначальный облик. К их числу относится и Илорский храм, к сожалению, лишь вскользь описанный Дюбуа. Его внимание, главным образом, привлекли легенды и рассказы о фантастических деяниях св. Георгия, которые он и записал.

С XIX века, после того как в русское подданство вошли Карталино-Кахетинское царство, а затем в 1810 году и Абхазия, наряду с усилением политических и экономических связей России с Кавказом, проводятся первые попытки русских ученых по изучению истории и культуры кавказских народов. Для обследования архитектурных памятников в 1838 году Абхазию посетил профессор Нордман, который напечатал в Петербурге статью «Путешествие по Закавказскому краю»⁷. В ней он дает перечень 43-х архитектурных памятников Абхазии с кратким их описанием. К сожалению, меньше всего он обратил внимание на Илорский храм, который он застал

⁶ Первый том «Путешествия вокруг Кавказа», в котором речь идет о пребывании Дюбуа в Абхазии, переведен на русский язык Данкевич-Пувиной и издан в Сухуми в 1937 году.

⁷ Проф. Нордман, Путешествие по Закавказскому краю: журнал Министерства народного просвещения, ч. XX, СПб, 1838.

разрушенным. Кроме общего замечания, что Илори древняя святыня и ныне находится в развалинах, автор ничего не дает. Но и это сообщение полезно тем, что оно указывает на состояние храма в период посещения его Нордманом.

С более широкими задачами Грузию посетил в 1847 году академик Броссе. К изучению памятников он привлек грузинского историка Платона Иосселиани. Результатом исследований Броссе явился трехтомный труд в форме отчетов⁸. В нем он дает описание древних архитектурных сооружений, но главное свое внимание акцентирует на древнегрузинских надписях и их толковании, сохранившихся как на архитектурных памятниках, так и на произведениях чеканного искусства из ризниц храмов. В Илори он списал множество текстов с икон, а также и с камней на восточном фасаде храма, дал им свое толкование, но о самом храме он ничего не сообщает (см. I том, восьмой «раппорт»).

В 1853 году Илори посетил русский офицер Пушкарев, который опубликовал в газете «Кавказ» статью о своем пребывании в Абхазии⁹. В ней он приводит слышанные им легенды о деяниях св. Георгия, а также рассказывает о некоторых ценностях церковной ризницы.

Абхазские памятники привлекли к себе пристальное внимание замечательного грузинского ученого Дмитрия Захарьевича Бакрадзе, который впервые посетил Абхазию в 1859 году. Результатом его поездки по Западной Грузии явилась статья в которой он дает всестороннее описание районов древней культуры и памятников, приводит имевшиеся на них древние надписи, дает им свое толкование, полемизируя по некоторым вопросам с Броссе¹⁰. При вторичном посещении Абхазии в 1865 году он тщательно знакомится с ризницей Илорского храма, в которой особо отмечает золотой потир высокохудожественного исполнения. Это была, как он выяснил, бедийская напрестольная чаша, которая после запустения Бедийского храма в XVI веке, попала в Илори. Д. Бакра-

⁸ Brosset M., *Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847—1848*, VII.—VIII. SPB, 1850.

⁹ Пушкарев С., *Абхазия и абхазцы: Кавказ*, № 60-61, 1854.

¹⁰ Бакрадзе Д. З., *Очерки Мингрелии, Самурзакана и Абхазии: Кавказ*, 1860, № 48-49; *Сванетия, Кавказ*, 1861, № 1-4.

дзе был первый из исследователей, который увидел и описал эту чашу¹¹. Посетившему Илори до него академику Броссе она не была показана. Третий раз посетив Илори в 1886 году, Бакрадзе увидел бедийскую чашу уже без ножки, которая к этому времени была утрачена¹². Бакрадзе, прекрасный произведени чеканного искусства, изучал имевшиеся в Илори надписи. Он заметил, что авторитет св. Георгия Илорского был настолько велик, что иной раз ему посвящались дары даже в других церквях. Он пишет: «...нельзя думать, что... образа в Сванетии в честь св. Георгия Илорского принадлежат илорской церкви. Это только доказывает, что память о св. Георгии Илорском была почитаема и в Сванетии и что даже издали делались приношения образам его»¹³.

В Санкт-Петербурге в 1871 году вышла книга Н. Дубровина «История войн и владычества русских на Кавказе». Само название определяет характер этой книги. В ней автор дает самые общие сведения об абхазах, их религии и стране. Немного места уделено и Илори, о котором автор говорит, что прежде он был центром всего христианского населения в Абхазии.

В последнее тридцатилетие прошлого столетия в России наблюдалось стремление научного исследования древностей Кавказа. Деятельность Московского археологического общества вызвала интерес в среде передовой интеллигенции Грузии к изучению памятников материальной культуры края и в Тифлисе возникло Общество любителей Кавказской археологии¹⁴, для деятельности которого почву подготовили местные ученые Платон Иосселиани и Дмитрий Бакрадзе.

¹¹ Исследование этого выдающегося произведения чеканного искусства было произведено академиком Г. П. Чубинашвили и опубликовано в его монументальном труде «Грузинское чеканное искусство», изданном в Тбилиси в 1959 году.

¹² Бедийская чаша находилась в Илори до 1936 года, когда была передана в Абгосмузей в Сухуми. В 1942 году, во время Отечественной войны, из-за отсутствия надежного сейфа, дирекция музея передала ее на хранение в сейф Музея искусств Грузии, где она находится и в настоящее время.

¹³ Бакрадзе Д., Сванетия: Кавказ, 1861, № 1-4.

¹⁴ О создании ОЛКА смотри «Кавказская старина» № 4-5, изд. Ершова: А. Д., 1873.

Из членов общества непосредственно абхазской старицей занимался ученик Бакрадзе Ф. Жордания, написавший работы по вопросам истории средневековой Грузии и Абхазии¹⁵. В них об Илори он говорит лишь в историческом контексте, акцентируя его роль в религиозной жизни края.

В 1885 году в Москве была издана популярного характера книга¹⁶ архимандрита Леонида, в которой дается краткий исторический обзор Илорского храма, где автор относит Илори к VI веку. Там же дана первая иллюстрация с изображением общего вида храма в ограде и с колокольней, исполненная художником Рашевским по фотографии.

По заданию Московского археологического общества в 1888 году памятники Абхазии посетил архитектор А. М. Павлинов. Он побывал в Илори и составил краткое описание церкви, которое опубликовал в статье «Экспедиция на Кавказ 1888 года», напечатанной в III выпуске МАКа — в 1893 году. В храме он сфотографировал некоторые предметы из ризницы, которые и опубликовал в том же выпуске на VII таблице.

В 1915 году в IV т. III выпуска «Христианского Востока» Н. Я. Марр опубликовал свою работу «Религиозные верования абхазов», в которой он дает обзор и исследование религиозной жизни народа. Значительное место отведено Илори, как одному из очагов христианского и языческого культа абхазов, но как об архитектурном памятнике Марр не говорит ни слова.

В первые же годы установления Советской власти в Абхазии были приняты меры по охране Илорского храма, как памятника средневековой архитектуры. Некоторые древние иконы, кресты и другие предметы церковной ризницы, представлявшие наибольшую ценность, как произведения чеканного искусства, были переданы в государственные музеи и другие специальные учреждения страны. Несколько икон и крестов находятся в Государственном музее искусств Грузии, в Зугдидском государственном музее, в Кутанском историко-

¹⁵ Жордания Ф. Д., Хроники, ч. I, Тф., 1893, ч. II, 1897.

Жордания Ф. Д., Абхазские каталикосы, Ставрополь, 1893 г.

¹⁶ И. Н., Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, М., 1885 г. Переиздана в 1898, 1913 гг.

этнографическом музее и в Абхазском государственном музее им. Д. И. Гулиа¹⁷. В настоящее время в Илори хранятся лишь четыре древние иконы, которые, к сожалению, находятся в плачевном состоянии (табл. XX—XXIII).

По инициативе ЦИКа Абхазии в 1938 году была образована специальная комиссия под председательством директора Абгосмузея И. Е. Адзинба, которая составила опись ценностей Илорского храма. И. Адзинба писал тогда, что «сохранившиеся в ризнице памятники чеканного искусства с грузинскими надписями представляют значительный интерес, хорошо отображая эпоху с XII по XVIII века»¹⁸.

В задачу исследования не входит подробное описание и изучение предметов из ризницы Илорского храма, в разное время поступивших туда, а затем по той или иной причине оказавшихся в другом месте. Огромное их количество, историческое значение и ценность как произведений чеканного искусства позволяют им стать предметом специального изучения и исследования.

Накануне Великой Отечественной войны Адзинба обследовал основные памятники средневекового зодчества Абхазии и подготовил к изданию книгу «Архитектурные памятники Абхазии», в которой дал свое описание Илорского храма. Из-за войны издание книги было приостановлено и она вышла в свет лишь в 1958 г. Адзинба относит Илори к числу памятников XIII века.

Таков небольшой перечень свидетельств об Илорском храме, в которых в той или иной форме даны описания, замечания или же рассказы об облике, жизни и деятельности его. Но как бы ни были незначительны эти немногочисленные, а порою отрывочные данные, они как и памятники представляют определенную ценность для изучения истории абхазского народа и его древней и самобытной культуры.

¹⁷ Одной Илорской иконе св. Георгия исполненной мастером Бежия Ткавдуелидзе в 1651, посвящена статья профессора К. Григолия. Икона эта погибла во время ограбления храма, уцелел лишь фрагмент, который ныне хранится в Институте рукописей Академии наук Грузинской ССР. Надпись на ней свидетельствует о принадлежности Левану II Дадзиани. (см. Известия ИЯИМК им. Н. Я. Марра, т. XIII, 1943, стр. 145—158).

¹⁸ Адзинба И. Е., Архитектурные памятники Абхазии, Сух., 1958, стр. 81.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИЛОРИ

«...Почти на каждом шагу нам встречаются памятники глубокого прошлого — немые свидетели минувших тысячелетий, отражающие события многовековой истории Абхазии»...¹ История Абхазии, это — страда непрестанной борьбы ее народа за свою независимость и развитие культуры. Несмотря на различные превратности судьбы маленького народа, на протяжении веков у него складывалась своя самобытная культура, которая, в частности, выразилась в строительстве дорог и мостов, храмов и замков, целых систем крепостных сооружений и т. д.

Богатства страны и ее выгодное географическое положение, сделавшее Абхазию одним из преддверий к землям Кавказа, всегда привлекали к ней внимание иноземцев. Интерес к странам Закавказья, в частности к Абхазии, проявляли еще древние египтяне и финикийские мореплаватели. Экономические сношения древних греков с местным населением способствовали возникновению на побережье торговых факторий, разросшихся в города. На смену им один за другим приходили римляне, византийцы, арабы, генуезцы, турки и другие, несшие, с одной стороны, плоды своей цивилизации, а с другой, политическое, экономическое и духовное порабощение края.

В первые века нашей эры в Абхазии распространилось христианство, появившееся первоначально среди населения греческих колоний, разбросанных по побережью, а затем уже среди местного населения, поддерживавшего с греками тесные торговые и культурные сношения. Форпостом христианства

¹ Адзигба И. Е., Архитектурные памятники Абхазии, Сух., 1958, стр. 5.

являлся «Питиунт великий», где в начале IV века (всестал епископ Стратофил, присутствовавший в 325 году на первом Вселенском соборе в Никее². В христианстве, здесь, первоначально господствовало греческое влияние, его язык и богослужение. Будучи идеологией рабовладельческого общества, христианство с трудом проникало в местную среду с сильными пережитками родового строя, где имелись свои религиозные понятия. Но, по сравнению с языческой идеологией, христианство было более прогрессивной религией. Являясь по своему характеру монотеистическим, оно представляло собой более высокую форму религиозного мировоззрения, по сравнению с языческими верованиями абхазов (многобожие) и тем самым способствовало утверждению новых, прогрессивных для того времени, социально-экономических и культурных отношений. Уже к VI в. в Абхазии сложились такие условия, когда христианство могло быть признано государственной религией. Но прочно сложившиеся на протяжении веков политеистические дохристианские верования были слишком устойчивы и их не легко было искоренить. «Христианство, видя, что не так легко искоренить из сознания большинства населения тысячелетиями сложившиеся религиозные верования и обряды,... старалось их переварить, облекши их в свои покровы и приурочив к христианским праздникам и святым»³.

Во многих общинах имелись «священные места» и святилища: Елыр-ныха в Илорской общине, Лашкендар — в Ткварчельской, Кнач-ныха — в Джгердской и т. д.⁴ Духовенство решило использовать их «святость» и развернуло строительство христианских памятников в местах, пользовавшихся особым почитанием и поклонением у языческого населения. Византийский историк VI века Прокопий Кесарийский, касаясь религиозных верований древних абхазов, писал: «Эти варвары еще в мое время почитали рощи и деревья. По своей варварской простоте они полагали, что деревья являются богами»⁵.

² Очерки истории Абхазской АССР, ч. I, Сух., 1960, стр. 44.

³ Джанашиа Н. С., Статьи по этнографии Абхазии, Сух., 1960, стр. 21.

⁴ Инал-ипа Ш. Д., Абхазы, Сух., 1960, стр. 344.

⁵ Прокопий из Кесарии, Война с готами, М., 1950, стр. 380.

В VI—VIII веках христианство в Абхазии получило уже значительное развитие. Широко развернулось строительство храмов и на территории Абхазии, наряду с рядовыми, сооружаются такие храмы, как Цандрипшский, Гагрский, Амбарский, Драндский⁶ и др.

Политическая ситуация, сложившаяся в пользу Абхазии, позволила ей освободиться от византийской зависимости, а затем и сформироваться в независимое царство. Историческая общность абхазо-грузинских интересов, выразившаяся в их совместной борьбе с византийскими и арабскими захватчиками, господство которых грозило утверждением чуждых им социально-политических систем, способствовала развитию тесных политических и культурных связей между ними. Крепнувшее Абхазское царство проявило свою независимость и в религиозной политике. Разрозненные иерархии на территории Абхазии, подчинившиеся константинопольскому патриарху⁷, в IX веке отпали от него, и абхазский католикос стал во главе объединенной западногрузинской церкви с резиденцией в Пицунде.

Вместе с искоренением византийского политического и идеологического влияния «уже с начала IX века (если не раньше) в Абхазском царстве языком письменности, царской канцелярии и церкви являлся грузинский язык...»⁸ Таким образом на территории Абхазского царства грузинский язык стал господствующим, «о чем свидетельствуют сохранившиеся поныне лапидарные и иные надписи того времени»⁹, вытеснив греческий, абсолютно чуждый по своему строю и лексике кавказским языкам.

В IX—X вв. независимое Абхазское царство вступает в пелосу своего расцвета. Его энергичная политика по объеди-

⁶ За исключением Драндского храма, датируемого VIII веком Г. И. Чубинашвили, остальные храмы не исследованы и лишь предварительно их можно отнести к раннему периоду строительства христианских храмов в Абхазии.

⁷ Бердзенишвили Н., Вазират в феодальной Грузии. Известия ИИМК, т. X, Тб., 1949, стр. 291.

⁸ Джанашиа С. Н., Труды, т. II, стр. 306.

⁹ Б. С. Э., изд. 2, т. 1, стр. 47.

нению разрозненной тогда Грузии, сопровождается усилиями распространения христианской идеологии среди ряда северокавказских народов. Это последнее находит свое бесспорное подтверждение в том, что на тогдашних главных путях сообщения Абхазии с Северным Кавказом, через ~~Кавказские~~ и Марухский перевалы, в долине реки Кодор ~~и в~~ в большом количестве различные церковные сооружения того времени. Укрепление политической и экономической мощи обусловило дальнейший рост во всех областях культурной жизни страны, а огромное количество христианских храмов, выстроенных в это время, свидетельствует о том, что культура феодальной Абхазии носила ярко выраженный церковный характер¹⁰. Показательным является засвидетельствованный Георгием Мерчуле в «Житии св. Григория Хандзтийского», факт монастырского строительства в Абхазском царстве, осуществлявшийся таким видным церковным деятелем Грузии, каким был Григорий Хандзтийский (умер в 860 году). Он приехал в Абхазию вместе со своими сподвижниками и был хорошо принят абхазским царем Дмитрием II (825–861 гг.)¹¹

Разумеется строительство множества храмов и церквей не могло быть осуществлено лишь одними приезжими зодчими. Массовый характер строительства способствовал выявлению местных мастеров, сначала работавших под руководством приглашенных специалистов, а затем уже сумевших самостоятельно возводить необходимые сооружения. К сожалению имена местных мастеров остались неизвестными, как и имена большинства зодчих в Грузии, за исключением нескольких. То, что большинство абхазских памятников построены местными мастерами, указывает определенная специфика некоторых типовых, плановых, конструктивных и художественных решений храмов.

Сложившиеся архитектурные тенденции диктовали свои требования. Архитектурные памятники Абхазии дают возможность судить о степени развития эстетических запросов феодального общества того времени. Они не уступают по сво-

¹⁰ Очерки истории Абхазской АССР, стр. 81.

¹¹ Марр Н. Я., Житие св. Григория Хандзтийского, СПб, 1911, стр. 100.

ему художественному значению памятникам христианской архитектуры других областей Грузии. После Моквского кафедрального собора, построенного в 967 г. Леоном II, на рубеже X—XI вв. абхазский царь Баграт III воздвиг замечательный храм в с. Бедиа, который, по определению Н. П. Северова, «должен быть причислен к ранним представителям того типа древнегрузинского культового сооружения, который в XI—XII вв. стал господствующим»¹². Тогда же был построен храм в Лыхны.

В X—XI веках, в период расцвета местной архитектуры и возведения грандиозных сооружений, продолжалось строительство и небольших одионых церквей, которые занимали свое определенное место как в религиозной жизни народа, так и в достижениях средневекового зодчества.

К этому времени христианство на территории Абхазии чувствовало под собой твердую почву, а поэтому, в большинстве случаев, духовенство не особенно считалось с языческими представлениями «святости» определенных мест, и храмы строились в удобных и благоприятных местах.

Однако это положение не распространилось на Илори, и церковь была построена в «священном», по языческим представлениям, но «болотистом месте, окруженном густой растительностью»¹³. Девственный дубовый лес в Илори считался местом пребывания абхазского племенного божества «Елырныха», в честь которого здесь еще в древности совершались торжественные моления с жертвоприношениями. Таким образом почитание этого места происходило еще задолго до того, как здесь восторжествовало христианство и был построен христианский храм.

Илорский храм небольших размеров, но, как определенный тип зальной церкви, он превосходит все рядовые подобные строения на данной территории, уступая лишь купольным сооружениям Моква и Бедиа. Как говорилось выше, он воздвигнут в «священной роще Елырныха» и, по-видимому, на месте бывшего здесь некогда древнего святилища.

¹² Северов Н. П., Памятники грузинского зодчества, М., 1947, стр. 193.

¹³ Бакрадзе Д., Кавказ в древних памятниках христианства: ЗОЛКА. жн. I, 1875, стр. 74.

О строительстве христианского храма в Илори не сохранилось никаких сведений ни в светских, ни в церковных документах. Об этом повествуют лишь народные легенды, которые сохранились и до наших дней. Одна из них гласит: Некий местный князь в лесу во время охоты ранил оленя. Убегая, животное скрылось в зарослях. Охотник преследовал его и следы крови привели к развалинам древнего святилища. Князь увидел раненого оленя, положившего голову на престол с высеченным крестом в алтаре и понял, что животное находится под покровительством самого св. Георгия. Князь оставил жертву и приказал воздвигнуть на этом месте храм в честь св. Георгия¹⁴.

До сих пор на территории Абхазии наблюдается тесное переплетение сохранившихся у местного населения верований тотемического и магического характера с более поздними христианскими воззрениями. Поэтому среди абхазов особой популярностью и уважением пользуются те христианские храмы, в которых одинаково чтут христианских святых и языческие божества. К таким храмам относятся Лашкендар, Кячыха, Лдзаа-ныха и другие. Дубровин говорит о том же, хотя причину этого понимает иначе: «В первое время они (т. е. абхазы — А. К.) были язычниками, поклонялись деревьям и лесам, которых принимали за богов: вообще о б о ж а л и п р и р о д у... Тесное сближение противоположных религий, во избежание соблазна и разных недоразумений заставило... праздновать их вместе»¹⁵.

А еще раньше Цампи подметил и такую особенность: «Приходские церкви обсажены несколькими толстыми и высокими деревьями... Корни этих деревьев посвящаются иконам, вследствие чего их не рубят, так как никто не осмеливается к ним прикоснуться из опасения навлечь на себя гнев иконы»¹⁶.

¹⁴ Легенду эту услышал в Илори в 1938 году Л. Н. Соловьев, научный сотрудник Абхазского института языка, литературы и истории А. Н. Грузинской ССР, со слов которого и сделана настоящая запись.

¹⁵ Дубровин Н., История войны и владычества русских на Кавказе, СПб, 1871, т. 1, кн. 2, стр. 12—15.

¹⁶ Шарден Ж., Путешествие по Закавказью, Т., 1902, стр. 54.

Такое положение небольшого храма, где уживалось христианство с языческими обрядами, привлекало все большее число прихожан и создавало большую популярность, которая позволяла ему успешно соперничать с грандиозными храмами Бедиа, Цаленджиха, Моква и Дранда, расположенными от него на расстоянии не более 30—40 километров.

С течением времени Илорский храм приобрел еще большее значение в религиозной жизни средневековой Абхазии. Это подтверждается тем, что его называли в числе известнейших епархий: «бедийская, илорская, моквская, драндская, севастопольская, никопийская, пицундская и гагринская. Они были так славны, что многие из их епископов присутствовали на вселенских соборах»¹⁷.

Молодая западногрузинская феодальная монархия абхазских царей боролась за объединение разрозненных грузинских земель и дальнейшее укрепление своей власти. Византийская империя не отказалась от своих притязаний в Грузии и поэтому с ней приходилось вести настойчивую и длительную борьбу. Тяжелая междоусобная борьба с феодалами закончилась победой царя. В XI—XII веках страна быстро набралась сил и вступила в период расцвета своей экономики и культуры. Широко развернулось строительное дело.

Наряду с храмами сооружались дороги и мосты (Беслетский мост), крепости и замки (замок Баграта в Сухуми), различные гражданские сооружения (дворец бедийского епископа). О высоком эстетическом уровне свидетельствуют замечательные произведения чеканного искусства (бедийская золотая чаша), резьба по камню, выполненная мастерски в декоративном оформлении зданий, и замечательные образцы декоративной скульптуры (изображения святых из храма близ с. Ольгинского) и т. д.

В середине XIII в. Грузия подверглась татаро-монгольскому нашествию. Такая политическая ситуация и сравнительно слабые внутренние экономические связи феодальной Гру-

¹⁷ Бакрадзе Д., Очерк Мингрели, Самурзакани и Абхазии: Кавказ, № 48-49, 1860.

зии обусловили ее политический распад. В условиях постоянной угрозы нашествия монгольских полчищ на территорию Абхазии наблюдался некоторый культурно-экономический спад. Среди населения стало ослабевать христианское вероисповедание и усиливаться дохристианские верования. Во второй половине XV в. греческий патриарх Михаил констатировал, что «Абхазия совсем отложила от христианства».¹⁸ Постепенно выделившиеся разрозненные области стали формироваться в самостоятельные княжества. В Западной Грузии особенно усилилась власть бедийских мтаваров. В XIV в. они расширили свои владения на западе до р. Келасури, а в XV в. и до р. Бзыби. Однако экономическая раздробленность и политические превратности вскоре привели к распаду Сабедиано. В XV—XVI вв. из Сабедиано выделились Сванетское, Гурийское, Мегрельское княжества, а так же Абхазия — возглавляемая князем Шервашидзе.

После падения Константинополя в конце XV в. народам Кавказа стала угрожать агрессивная и могущественная Османская империя, которая оторвала Грузию от западноевропейского мира, с которым она в течение веков поддерживала оживленные культурные и экономические контакты.

В связи с осложнением внешней и внутренней политической ситуации в Грузии, в середине XVI века престол абхазских католикосов был перенесен из Пицуиды в Гелати. В запустение пришли Моква и Бедиа. Эти события способствовали еще большей популяризации Илорского храма.

В XVI—XVII вв., несмотря на турецкую экспансию, наблюдается дальнейшее развитие грузино-абхазских культурных связей. Значительную роль в этом играло промежуточное между ними (по своему географическому расположению) Мегрельское княжество, которое «по причине этнографической близости обоих этих племен, возникшей на почве длительного исторического сожительства, представляла собою главную артерию, по которой осуществлялась циркуляция культурной энергии между Абхазией и центральными провин-

¹⁸ Очерки истории Абхазской АССР, ч. I, стр. 96.

циями Грузии».¹⁹ Об этом свидетельствует ряд культурных памятников того времени на данной территории. Об этом же свидетельствует Арканджело Ламберти: «За Колхидой, в стране абхазов и джигетов стоят прекрасные храмы, выстроенные в грузинском стиле и с книгами на грузинском языке».²⁰

Султанская Турция для утверждения своего господства насаждала мусульманство и уничтожала христианство и памятники его культуры. Послы русского царя Михаила, приехавшие к мегрельскому мтавару Левану II Дадзиани в 1646 году, в своих отчетах отметили факты разрушения турками христианских храмов. Побывав в Драндском монастыре, они установили, что он «разрушен от турецких людей»²¹ в мае 1637 года. Они осмотрели так же Моквский, Бедийский и Илорский храмы, где интересовались некоторыми фактами из прошлого этих храмов, но сопровождавший их епископ Андрей не смог ответить им, объясняя свое незнание гибелью церковных летописей и древних книг в результате нашествия турок. «Время это было роковое и для христианства в Абхазии... С начала XVII в. начинается постепенное совращение абхазов в магометанство...»²² и, как писал церковный историк М. И. Тарнава, христианское богослужение «не прекращалось и во время турецкого владычества в Лыхнинском, Моквинском, Илорском и Бедийском храмах, а народ абхазский все еще помнил и соблюдал многие христианские праздники».²³

В условиях междоусобной борьбы феодальное духовенство извлекало свои выгоды из переменных успехов или поражений местных князей и феодалов, которые нередко приписывали свои удачи покровительству св. Георгия Илорского и старались щедро его отблагодарить. Но все эти усобицы ложились тяжелым ярмом на плечи трудового народа. Их земли и угодия постоянно подвергались разорениям. Духовенст-

¹⁹ Джанашиа С. Н., Георгий Шервашидзе: Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. III, 1939, стр. 38.

²⁰ Ламберти А., Описание Колхиды..., СМОМПК, вып. 43, Тф., 1913.

²¹ Белокуров С., Посольство в Дадзинскую землю: Материалы для русской истории, М., 1888 год, стр. 351.

²² Жордания Ф., Абхазские католики, стр. 21—22.

²³ Тарнава М. И., Краткий очерк истории Абхазской церкви, Сух., 1917, стр. 16.

во, составлявшее вместе с князьями и дворянами господствующий класс общества, пользовалось всеми правами и беззастенчиво приумножало свои богатства. Илорский храм имел большие земельные угодья и крепостных крестьян. Так, например, в середине XVII века он имел в селе Хони пять дворов крестьян, а в 30-х годах XVIII века принадлежавшие ему четыре дома крестьян были в другом имеретинском селе — Кухи.²⁴

Ослабление центральной власти развязало руки феодалам западногрузинских княжеств. На протяжении XVII века шла ожесточенная борьба за политическое господство и земли между мегрельскими, гурийскими, имеретинскими и абхазскими владетелями. Особой агрессивностью отличалась деятельность мегрельского князя Левана II Дадиани (1605—1657). Освободившись от власти имеретинского царя Георгия III и подвергнув разорению Кутаиси, Леван II повел борьбу с абхазским владетельным князем Путо Шервашидзе за овладение территорией между реками Ингури и Кодор. Свои удачные походы он связывал с особым покровительством ему св. Георгия Илорского и жертвовал храму богатые дары. Так, в ознаменование победы над имеретинским царем он щедро одарил Илорскую церковь. Среди приношений был «хрустальный крест со знамени имеретинского царя, которое мегрельский князь Леван II захватил, а крест пожертвовал церкви»,²⁵ а также и серебряная икона св. Георгия с надписью асомтаврули повествующей о том, что в честь победы Левана, сына Манучара над имеретинским царем Георгием под Кутаиси отчеканена она Фаремузом Элбегидзе и поднесена в дар Илорской церкви вместе с семьей (крепостного крестьянина) Кико Германия²⁶.

Сообщение об одном из походов Левана II в Абхазию в 1634 году сохранилось в надписи, также высеченной на иконе св. Георгия. Надпись эта гласит: «Когда мы выступили против Шервашидзе в Зупу, по сию сторону реки Мушу опустошили (все), еще раз начали на Зупу, по эту сторону реки Капо-

²⁴ Очерки истории Абхазской АССР, ч. 1, стр. 113.

²⁵ Белокуров С. А., Цит. соч., стр. 351.

²⁶ Эта икона, в числе четырех, находится в ризнице Илорской церкви.

эти совершенно выжгли все и разорили, и где только были укрепления, взяли и уничтожили. На реке Капозети напали на нас Зупуар(ские) и Сихуар(ские) Аршания (Маршания, А. К.) которых мы победили. Одних мы истребили, других взяли в плен и вернулись победителями».²⁷

Несмотря на эти успехи мегрельских князей, в 80-е годы XVII века абхазский владетель Сorex Шервашидзе сумел утвердить границу между Абхазией и Мегрелией на реке Ингури.

На рубеже XVII и XVIII столетий Абхазия распалась на мелкие феодальные владения и область, лежавшая между реками Гализгой и Ингури, в начале XVIII века, стала называться Самурзакано, по имени ее владетеля Мурзакана Шервашидзе, но формально всей Абхазией продолжал править владетельный князь, имевший резиденцию в Лыхны.

В течение XVIII в. Илорский храм, в той или иной мере связанный с историческими событиями, имевшими место в Абхазии, своей историей отражает судьбу страны. Важным фактором в жизни народа в это время была его борьба против турецких поработителей. Из всех форм наиболее эффективной были вооруженные восстания. «Тяжесть дани, работоторговля, преследование христианства, разрушение памятников культуры — все это в совокупности создавало почву для стойкой и решительной борьбы абхазского народа против турецких завоевателей»²⁸. В 1725, а затем в 1728 гг. вспыхнули народные восстания, которые турки подавили с большим трудом. Для того, чтобы пресечь дальнейшие выступления народа и укрепить свою власть в Западной Грузии, в 1733 году турецкий султан послал свои войска для окончательного покорения Мегрелии и Абхазии. Во время этого похода, отличавшегося особенной жестокостью, турецкие янычары подвергли разорению и Илори. Вот как описывает Бахушти ре-

²⁷ В очерках истории Абхазской АССР (часть I, стр. 121) говорится, что приведенная надпись сделана на Илорском кресте. Текст и его толкование, заимствованные из сочинения Броссе, не совсем точны и расходятся с оригиналом на иконе св. Георгия, хранящейся в Илорской церкви. Более точное прочтение текста дано у Жордания (см. Хроники, часть II, стр. 447).

²⁸ Очерки истории Абхазской АССР, ч. I, стр. 126.

зультаты этого похода: «Турки... разрушали все и брали в плен всех, кого где находили. Турки ворвались в Илори. Иконы, кресты и другие реликвии удалось спрятать. Подожгли огонь, сожгли церковь, сорвали крышу, уничтожили фрески и после направились дальше»²⁹. Об этом же сообщает и говорит Н. Я. Марр: «...в сванских устных преданиях, в одном известном мне сказании о походе турок в Сванию: сначала турки вступили в Мингрелию (ვლდიშ) и «ограбили илорскую (святыню) Джгыраг или св. Георгия» (ილორის ჯგ-რადგ); Габлиани в примечании записи на сванском языке сообщено, что в Мужальской церкви имеются многочисленные обломки икон, в числе их и из Илори, занесенные после этого турецкого похода, и потому мингрельцы часто приходят туда на богомолье с своей родины»³⁰.

Далее Вахушти рассказывает о другом восстании населения Абхазии против турецких захватчиков, во время которого «абхазы уничтожили войска турок и обратили их в бегство... взяли много добычи и оставили магометанство и вернули себе свою веру»³¹. Он заявляет, что эта победа была «чудом, сотворенным св. Георгием, так как в ту ночь он вселил и внушил абхазам веру в победу»³².

Такая святыня не могла находиться долгое время в разрушенном состоянии и вскоре Илорская церковь была восстановлена. О времени ее восстановления и его исполнителях нет никаких сведений, за исключением косвенного свидетельства: надписи на Илорской серебряной иконе св. Георгия, датированной 1748 годом. Икона была сильно повреждена в своей нижней части, пропал и ее оклад, которые были восстановлены по заказу Мамуки, брата имеретинского царя Александра и жены его царевны Дареджан, дочери Дадлиани. Можно предположить, что икона могла быть реставрирована во время восстановления церкви.

На протяжении XVIII и начале XIX столетий в стране,

²⁹ Вахушти, История Грузии, 1913, стр. 154.

³⁰ Марр Н. Я., О языке и истории абхазов: Христианский Восток, т. IV, вып. I, М., 1915, стр. 138.

³¹ Вахушти, цит. соч., стр. 355.

³² Вахушти, там же.

наряду с феодальными усобицами, идет упорное сопротивление абхазского народа турецкой агрессии. «Одной из форм этого сопротивления было энергичное отстаивание христианства и древних языческих верований»³³. Вахушти, касаясь этого вопроса, отмечает, что абхазы по вероучению христиане, но среди них значительно распространено и язычество. Рядом с христианством и магометанство охватило некоторые верхушечные слои общества, но характерно, что князья, принявшие чужую веру, не решались управлять абхазами. Так, после смерти в 1774 г. владетельного князя Абхазии Джикешиа Шервашидзе, не оставившего после себя наследника, на владение страной был приглашен из Батума его младший брат Зураб Шервашидзе, исповедовавший ислам, но последний «не соглашался принять на себя управление абхазами, народом исповедовавшим тогда поголовно христианскую веру, пившим вино и питавшимся свининой»³⁴. Но посланцы из Абхазии сумели заманить на судно Зураба и силой увезти на родину. Уговорами и убеждениями заставили его согласиться принять христианство. Крестить будущего владетеля решено было в храме Илори — величайшей христианской святыне Абхазии — посвященной св. Георгию, которому приписывалось «чудо», убедившее мусульманина принять христианскую веру. Легенда об этом гласила, что некий турок-мусульманин усомнился в чудотворстве св. Георгия и потребовал в доказательство, чтобы святой доставил в Илори племенного быка из его владения, находившегося далеко в Турции. Через три дня в ограде церкви пасся бык турка. Это «чудо» заставило мусульманина принять новую веру и стать проповедником христианства у себя на родине. Громкая слава «всемогущей» Илорской святыни вызывала религиозное почитание и у тех, кто не исповедывал христианство. (Об этом свидетельствовал еще Цампи). Подобные доводы могли оказать свое влияние на Зураба Шервашидзе; «его встретили в устье р. Гализга и с почестями доставили в Илори, где и окрестили по обряду св. православной церкви»³⁵. Таким образом, в Илори произошло об-

³³ Очерки истории Абхазской АССР, ч. I, стр. 123.

³⁴ ЦГИАГ, ф. ДВД, д. 41, лл. 20—96.

³⁵ **Мачавариани Н. Д.**, Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу, Сух., 1913, стр. 247.

ращение магометанина Зураба Шервашидзе в православного христианина, давшее ему право быть провозглашенным владетельным князем абхазов.

Во второй половине XVIII века борьба населения Западной Грузии с турецкими поработителями усилилась. Ее возглавил имеретинский царь Соломон I. В русско-турецкой войне 1768—1774 гг. Грузия выступила на стороне России.

В 1771 г. мощное восстание в Абхазии поколебало владычество турецких захватчиков. Господство турецких султанов на абхазском побережье на протяжении трехсот лет принесло абхазскому народу неисчислимые беды. «Борьба грузинского и абхазского народов значительно ослабила позицию турецких феодалов в крае, однако полная победа над ними была достигнута лишь в XIX веке, благодаря непосредственной помощи русских вооруженных сил».³⁶

С XVI в. Кавказ постепенно втягивался в орбиту русского влияния, а с конца XVIII и начала XIX века присоединение к России стало жизненным вопросом для народов Закавказья. Только под покровительством России могли они избежать поглощения шахской Персией и султанской Турцией.

В 1810 году к Российской империи была присоединена и Абхазия. Несмотря на утверждение колониального гнета, в силу сложившихся тогда условий, это было прогрессивным явлением. Однако обострение классовых противоречий между феодалами и крестьянами, и возмущение против насаждавшегося царизмом колониального режима, вылилось в борьбу крестьян против местных угнетателей и самодержавия. Выступления в Имеретии и Гурии в 1819—1820 годах всколыхнули всю Абхазию, и в 1821 году здесь вспыхнуло восстание. Вооруженные крестьянские отряды нападали на русские гарнизоны и имения местных феодалов-эксплуататоров. «В 1830 году... 4 тысячи вооруженных крестьян... пытались напасть на имение... Гасанбея Шервашидзе в с. Келасури. Был сожжен дом владетеля Абхазии в с. Илори, а также органи-

³⁶ Очерки истории Абхазской АССР, ч. I, стр. 128.

зованы нападения на Илорский и Пицундский храмы».³⁷ Но сам храм от этого нападения не пострадал.

Через три года после упомянутого события в Илори побывал Дюбуа де Монперэ, который застал храм невредимым. Окружающая природа, древности и жители края поразили пылкое воображение швейцарского ученого-путешественника. Вот что он пишет в своем «Путешествии вокруг Кавказа»: «...Везде здесь встречаешь подобные следы... культуры; часто мы принимаем за лес то, что в действительности менее всего похоже на лес; это обширные сады, где можно найти все наши излюбленные фрукты Европы, растущие в диком состоянии и все вместе: здесь можно встретить и яблоко вместе с грушей и персиком, абрикос и миндаль, айву, фиговое дерево, терн и каштан, гранат и орешник».³⁸

В 1835 году храм подвергся нападению партизанского отряда Смиала Джонуа, выступившего против русских властей под флагом ислама. За стенами церкви укрепились солдаты, и в результате сражения здание сильно пострадало.

Через три года после разрушения храма Илори посетил упомянутый в введении профессор Нордман, который и пишет: «Наконец в селении Иллори находятся развалины храма, стен и проч... 6 июня мы оставили Сухум-Кале, переехали на бриг Александр... посетили Иллары и 10 числа вышли на берег при Редут-Кале».³⁹

40-е годы XIX столетия были периодом, когда Абхазия окончательно вышла из-под турецкого влияния и русские власти принялись за восстановление христианских храмов. В числе многих церквей был капитально отремонтирован и Илорский храм.

Илори по-прежнему оставался одной из наиболее почитаемой святыней, овеянной легендами.

В 1854 г. в газете «Кавказ» появилась статья русского офицера С. Пушкарева «Абхазия и абхазцы»⁴⁰. Автор, побы-

³⁷ Очерки истории Абхазской АССР, ч. I, стр. 175.

³⁸ Дюбуа, Путешествие вокруг Кавказа, т. I, Сух., 1937, стр. 138.

³⁹ Нордман, Путешествие по Кавказскому краю: журнал Министерства народного просвещения, ч. XX, СПб, 1838, стр. 428.

⁴⁰ Пушкарев С., Абхазия и абхазцы: Кавказ, 1854, № 60-61.

тавший в Илори, рассказывает слышанную им легенду о «чудесном» появлении в церкви, в канун храмового праздника, жертвенного быка с золочеными рогами. В сноске он делает такое замечание: «Кратковременное мое в Илорах, составляющих центр христианской Абхазии, не позволило мне осмотреть в подробности древностей илорского храма, но я видел в нем древние иконы Божией Матери и св. Георгия, с богатыми украшениями и принесенными в дар первой двумя старинными кинжалами, осыпанными дорогими камнями».⁴¹

Русский царизм, рассматривавший Абхазию как свою колонию, использовал православие в качестве проводника своей политики. Церковь должна была внушать абхазам понятие о порядке и благоустройстве под защитой законного правительства. Политика духовного порабощения края предусматривала широкие мероприятия. По настоянию наместника Кавказа князя Воронцова в 1851 году была организована Абхазская архиерейская кафедра. «При последнем владельце, в начале его управления на всем пространстве от Гагр до Гализги существовали только две церкви, в которых производилась церковная служба: одна в резиденции владельца в селении Лыхны (Соук-Су), в которой служба совершалась изредка, а другая в селе Илори, все время поддерживавшая светочь христианства».⁴² Однако во время Крымской войны храм снова подвергся разрушению со стороны турецких захватчиков (1854 г.).

Претворяя в жизнь планы колониального освоения Кавказа, царская администрация способствовала организации «Общества по восстановлению христианства на Кавказе». Миссионеры русского православия в Абхазии с помощью владетельного князя Михаила Шервашидзе, принялись за «восстановление» храмов и церквей, разрушенных временем и войнами. По повелению владельца в 1860 году был отремонтирован и Илорский храм. Но, разумеется, ни о какой научной реставрации храма, как памятника средневековой архитекту-

⁴¹ Пушкирев С., Абхазия и абхазцы: Кавказ, 1854, № 60-61.

⁴² И. Н., Абхазия и в ней Н.-Афонский монастырь, М., 1898, стр. 24.

ры, не могло быть и речи. Сохранился текст договора⁴³ заключенного от имени князя Шервашидзе с неким подрядчиком. Парадоксально, что подрядчиком оказался турок, исповедывавший ислам, и он приглашен был отремонтировать христианский храм, разрушенный его же соотечественниками.

В 1902 году храм был заново отремонтирован и с запада к нему был пристроен большой притвор.

Завершая краткий обзор истории Илорского храма, следует добавить, что в 1953 году служители церкви с помощью приглашенных мастеров произвели капитальный ремонт храма, не подумав о приглашении специалистов-реставраторов. В процессе ремонта церковь изнутри и снаружи была тщательно оштукатурена. Все внутренние стены, свод и проемы были выкрашены масляной краской, а на следующий год стены были расписаны современными богомазами, о чем свидетельствует оставленная ими надпись на северной стене.

* * *

Для полноты характеристики исторического значения Илорского храма необходимо дать краткую справку об его конфессиональной роли.

Илорский храм был посвящен св. Георгию и главная храмовая икона носила название св. Георгия Илорского. Как и во всякой православной церкви, здесь отправлялась служба, отмечались христианские праздники, почитались святые и т. д.

Главными храмовыми торжествами являлись праздники св. Георгия и «Воскресение Господне». Отправление этих праздников отличалось своей специфичностью, выражавшейся в том, что в них более наглядно проявлялась связь с пережитками языческих верований его прихожан. Это последнее находит свое наиболее яркое выражение в проведении такого большого общехристианского праздника, каким является пасха. У абхазов пасха называется «амшап», что в переводе на русский язык, по объяснению Н. Джанашиа, означает «назначенный день». Джанашиа так же считал, что этому названию, связанному с праздником христиан, предшествовал языческий

⁴³ Хранится в Центральном архиве Абхазской АССР, фонд Им. Еп. Коцц., 1868, д. № 11.

культ «мызыху», т. е. «доля луны», называемый Дубровиним «мизитху», который имеет тесную связь с культом луны (и духа дерева). В этих празднествах огромная роль отводится св. Георгию Илорскому, которым усвоен культ луны⁴⁴. Ссылаясь на различные устные сведения Н. С. Джанашиа отмечал, что в селе Бандза (Зугдидского р-на) до сих пор существует религиозный обычай, по которому в понедельник (по-мегрельски ღოთაშბა — «день луны»), после домашнего жертвоприношения, население направляется в церковь (посвященную св. Георгию—А. К.),... вырывает дерево, трижды обносит (его) вокруг ограды церкви и преподносит св. Георгию... Это, по-моему, символ победы св. Георгия над «луною» и «деревом». Характерно, что Ламберти и Цампи также отмечали почитание луны мегрельцами⁴⁵.

Таким образом, мы имеем подтверждение тому, что, во-первых, здесь христианство действительно приурочило свои праздники к языческим; во-вторых — христианский святой Георгий наделяется силою, способной одолеть недобрые языческие божества «луны» и «дерева».

Ко дню «амшап», который праздновали все без различия вероисповедания, особенно тщательно готовились, шили себе обновы, украшали дома цветами и т. д. К этому дню в каждой семье имелось жертвенное животное (коза или телок) в честь св. Георгия и нетронутый кувшин вина. В день праздника утром все семейство выходило на крыльцо и, обнажив головы, становилось на колени, лицом к востоку. Глава семьи брал за уши животное и произносил молитву, которая начиналась словами: «Святой великий Георгий». Затем совершалось жертвоприношение.

К Илорской церкви на праздник собиралось множество народа. «В этот день к церкви величественно приближался бык, с золочеными рогами, и самостоятельно входил в нее, его убивали; мясо раздавали присутствующим, рассылая иногда на очень дальние расстояния больным, как лекарство»⁴⁷.

⁴⁴ Джанашиа Н. С., Статьи по этнографии Абхазии, Сух., 1960, стр. 46.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Ламберти, Описание Колхиды, стр. 161.

⁴⁷ Дюбуа, Путешествие вокруг Кавказа, Сух., 1936, стр. 164.

Дюбуа иронически замечает по этому поводу, что животиорящее мясо «можно получить в случае необходимости в любое время у священника и всегда в свежем виде. Старый священник Илори умер и унес секрет с собой в могилу».⁴⁸ Далее Дюбуа пишет, что праздник «еще более блистательный, чем пасха, в этой церкви — день ее покровителя св. Георгия, который празднуется 21 октября и знаменуется другим чудом.

Существовала легенда о том, что в ночь, накануне праздника св. Георгий сам доставлял в храм жертвенного быка. Перед тем, как опустить его в храм, «святой» трижды проводил быка с гор до моря и обратно для освещения. На следующий день жертвенный бык закалывался и мясо его раздавалось верующим, которые считали, что оно долго не портится и является лечебным средством от всех болезней. Эту легенду сообщают... Ламберти, Цампи, Вахушти, Пушкарев, Джанашиа Н. и многие другие авторы, писавшие об Илори. Для вящей убедительности того, что св. Георгий, якобы, сам приводил быка в ночь праздника, двери и ворота храма тщательно запирались и опечатывались. Это «чудо» Иосиф Цампи называл мошенничеством: «...некоторые из наших отцов, желая раскрыть каким образом совершается это мнимое чудо с быком..., бодрствовали всю ночь, бродя вокруг церкви. Они обнаружили, что воры приводят быка в сумерки, ведя его на веревках. Большая часть епископов знает, что это плутовство... и чистейший обман, но они потворствуют для поддержания религии в народе».⁴⁹

Здесь мы имеем дело с фактом приспособления христианской религии к древним языческим верованиям, где жертвенный бык — символ скотоводческого культа.⁵⁰ «Елыр-ныха» и св. Георгий пользовались особым почитанием. Эти два божества разных религий в понятии верующего абхаза были настолько идентичны, что, как справедливо отметили Н. Джанашиа и Г. Чурсин, «абхазец ровно никакого понятия не имеет о св. Георгии»...⁵¹ и «под названием «Елыр-ныха» известна

⁴⁸ Дюбуа, Путешествие вокруг Кавказа, Сух., 1936, стр. 164.

⁴⁹ Шарден, цит. соч., стр. 94—95.

⁵⁰ Адзинба, Архитектурные памятники Абхазии, Сух. 1958.

⁵¹ Джанашиа Н. С., Статьи по этнографии..., стр. 43.

среди абхазов «святыня», связанная с Илорским храмом». ⁵² Поэтому в конкретном зрительном восприятии он поклонялся «илорской иконе», которая находилась в Илорском храме и в честь нее ежегодно справлял праздник, называемый в этот день св. Георгия.

Для того, чтобы задобрить этого «святого» и добиться его «покровительства», необходима была ежегодная жертва. У многих имелась в стаде лучшая корова адзатв (азата—т. е. предназначенная жертва), помеченная надрезом уха, а также самый большой глиняный кувшин с вином, зарытый в землю. Вино и жертвенное животное вместе со всем ее приплодом предназначались для этой цели и их нельзя ни продать, ни обменять на что-либо. «В день, назначенный для жертвоприношения, выбирается из стада лучшая годовалая телушка и вводится вечером в дом, где постоянно живет семейство, управляющие у храма милости...» ⁵³

Такое почитание было вызвано не столько «святостью», сколько боязнью перед этой «всемогущей», «справедливой» и «беспощадно карающей иконой», поэтому верующий старался всеми доступными ему средствами не навлечь на себя ее гнев. Об этом справедливо писал этнограф и краевед Нико Джанашиа: «Ни одна «икона», ни одно божество в практической жизни южных абхазов и самурзаканцев такой громадной роли не играет, как илорская «икона»: Она окончательно и бесповоротно разрешает дела и споры как гражданского, так и уголовного характера, не изъятые коронным судом из рук народного правосудия. И те дела, которые коронным судом разобраны, но резолюция коих не удовлетворила какую-либо из сторон, выносятся на ее же суд. Обвиняемый клянется перед иконою, что в данном деле он прав, и этим дело кончается. Если же обвиняемый не мог принять присягу, то беспрекословно исполняет заложенное на него наказание. Нарушение этого обычая, по глубокому убеждению абхазов, безнаказанно не проходит как и ложная присяга: «икона» карает болезнями и даже смертью, если во-время не образумиться и не явиться с повинною. Для отвращения кары илорской «иконы», про-

⁵² Чурсин Г. Ф., Материалы по этнографии Абхазии, Сух., 1957, стр. 29.

⁵³ Джанашиа Н. С., Статьи по этнографии..., стр. 44.

винившийся должен жертвоприношением «отмодиться» у «иконы», но при этом обязательно должен удовлетворить материальный ущерб противника и заручиться его согласием: они вместе отправляются с дарами, указанными договорами, в Илори и молятся, чтобы «икона» отпустила их в плен; ведут козлят, козлов, быков и несут деньги. Это называется взаимное прощение — моление айбаныхвара.

Такая вера и боязнь в силу «илорской иконы» была на руку ее служителям, которые уверили жителей села Илори, что все они находятся под особым покровительством «иконы св. Георгия Илорского», или же «Елыр-ныха», и поэтому всю свою жизнь обязаны регулярно платить дань. Аналогичное явление наблюдалось еще в двух селах Абхазии — в Лыхны и Лдзаа Гудаутского района. Независимо от общего почитания всех божеств, жители этих сел находились под опекой своих общинных — «Лых-ныха», «Анан-лдзаа-ныха» и «Елыр-ныха», и если же кто-нибудь из них переезжал на другое место жительства, то он и оттуда должен был приносить жертву храму в родном селе. Если даже девушки выходили замуж, уезжая из этих сел, то они и их дети обязаны были совершать регулярно эти жертвоприношения⁵⁴.

Приход приносил церкви огромные доходы, и поэтому она была очень богата. Дабы оградить церковное добро от возможных посягательств, служители окутали церковь такой славой, что, по словам Цампи, «самые близкие соседи... не осмеливаются ее ограбить, хотя хорошо знают, что эта церковь очень богата, в особенности драгоценностями и деньгами. Однако, никто, как я уже сказал, не смеет обокрасть эту церковь из страха, чтобы святой не предал их лютой смерти. Этот страх поддерживается еще и тем, что в церкви находятся копыя, выкованные из железа с двумя остриями наподобие стрел, также толстые и тяжелые, что одному человеку не унести даже и одного копыя. Они верят, что свя-

⁵⁴ Джанашиа Н., ЗКОИРГО, кн. XVI, Тф., 1894, стр. 59.

той пользуется этим оружием и что он убивает в поле каждого вора»⁵⁵.

В статейных списках русских послов Ф. Елчина и П. Захарова имеется запись о виденных ими предметах в Илорской церкви, среди которых особое внимание привлекли: «железный лук св. Георгия, в меру большого саженья (видимо тот, который и сейчас находится в церкви, — А. К.) и двенадцать шестов, а у шестов уши сделаны и наперены, как и стрелы, а в других концах шестов вбиты железа, поделаны вилами»⁵⁶. В церкви им пояснили, что этот лук и стрелы принадлежат страстотерпцу Георгию, который ими «неверных побивает и нас от неверных обороняет»⁵⁷.

Служители церкви окружали культ св. Георгия самыми невероятными легендами. Так, в годы проведения коллективизации сельского хозяйства в Абхазии некоторые прихожане церкви, под влиянием духовенства, отказывались заниматься шелководством, дабы не разгневать св. Георгия, который, якобы, считал шелководство грехом. Церковники им говорили, что когда шелковичный червь мотал кокон, то, якобы, разгневанный св. Георгий ниспослал гром, отчего испугавшийся червь перекусывал шелковую нить и погибал. Так родилась еще одна гнивая сказка «о деяниях св. Георгия Илорского».

⁵⁵ Наконечники шестов, которые послы считают вилами, местное население называет «абрдал». Они и сейчас имеются в Илорской церкви. В 1956 г. в красноярском некрополе близ г. Сухуми археолог М. М. Трапш раскопал бронзовую пластинчатую рогатуюлку, схожую с абрдалом. Он датирует ее VIII в. до н. э. В 1938 году Л. Н. Соловьев в Илори интересовался назначением абрдала и служитель церкви ему пояснил, что в трюбник церкви записывались клятвы тяжущихся и если она ложная, то, якобы, в течение 3-х дней свершалась кара, т. е. св. Георгий поржал клятвopеступника абрдалом. Верующие жертвовали абрдалы церкви, что по их повериям должно было избавить от всяких невзгод. Изготовление абрдала было правом кузнецов определенных фамилий.

⁵⁶ Белокуров С. А., цит. соч., стр. 358.

⁵⁷ Там же.

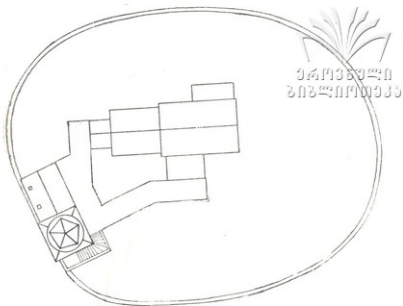

Fig. 1.

Глава II.

ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКА

Строители Илорского храма, планируя его на местности, были скованы условиями выбора площадки, но тем не менее сумели поставить на невысокой террасе, с продуманным учетом видимости храма с большого расстояния в этой низменной местности. Сама церковь возвышается над окружающей ее невысокой оградой, которая своей горизонталью подчеркивает ее строгий и стройный силуэт на фоне неба. Ассиметричность в восприятии этих простых форм вносит вертикаль колокольни, которая венчает единственный вход в церковную

ограду (табл. II). При входе во двор у посетителя сразу же возникает двойственное впечатление от настоящего вида храма. Основной корпус как бы заставлен притворами и портиком. Но взгляд останавливается на древнем декоративном убранстве окна на западном фасаде, которое вы выступает на сверкающей побелкой плоскости. Сразу же чувствуется отсутствие единого художественного решения в создании архитектурного облика храма.

Основным, постоянно функционирующим входом является южный (табл. III—IV). Двери в храм простые, деревянные, заменили старые двери, некогда окованные серебром.¹

Пройдя через приземистый и короткий южный притвор и переступив через высокий порог двери, входящий попадает в зал церкви, который производит приятное впечатление соразмерностью вытянувшегося ввысь внутреннего пространства.

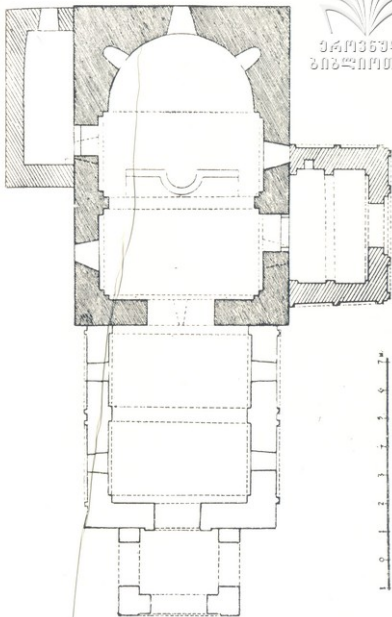
В основе церкви лежит несложный план (рис. 2) однонефного помещения, приближающегося к квадрату, с примыкающим к нему полукружием алтаря. По наружному абрису оно замкнуто в параллелепипед, усложненный добавлениями пристроек северного придела и южного притвора. Западный притвор, недавно пристроенный, не вкомпановывается в плановое решение храма.

Неф храма расчленен пиллястрами на две равные части. (табл. VIII—XI) Правильно очорченная широкая абсида без бемы с высоким, ныне четырехугольным окном, замыкается конхой. В ней две высокие (вровень с окном) и глубокие ниши, сохранные в первоначальных формах (рис. 3). Древний престол в алтаре не сохранился. Огромный, не по размеру, деревянный иконостас, построенный в прошлом столетии для Моквского собора и после его запустения перенесенный в Илори, целиком заслоняет абсиду.

¹ В книге Шардена «Путешествие по Закавказью» приводится описание дверей Илорской церкви, сделанное Шампи: «Двери этой церкви были украшены серебряными пластинками, на которых рельефно высечены как изображения самого святого (св. Георгия — А. К.), так и его чудес». К сожалению, ничего не известно о дальнейшей судьбе этого чеканного произведения, которое навверное безвозвратно исчезло, как и другие многие ценности Илорского храма.

ქართული
ენციკლოპედია

რს. 2.

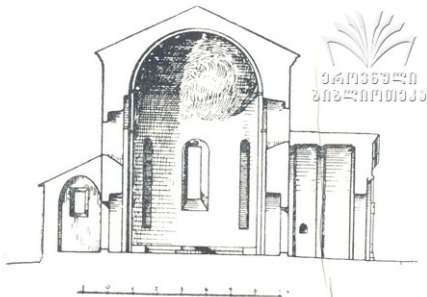

Рис. 3.

Плоскости продольных стен расчленены на две части плоскими, но высокими и стройными пилястрами, обрамленными простыми капительками, в форме небольших полочек со скосом. Они поддерживают подружные арки, на которых лежит коробовый свод. Между пилястрами на стенах заключены плоские и широкие заглабления, замкнутые сверху блендарками, которые опираются на консоли, по профилю аналогичные капителькам. Блендарки берут на себя тяжесть свода и распределяют нагрузку на мощные пилястры (табл. X).

На гладкой высокой западной стене (рис. 6), ограниченной сверху подружной аркой, имеется высокое и узкое окно, сохранившее свои древние очертания, и под ним вновь пробитый широкий арочный проем, соединяющий зал с западным притвором церкви.

Широкие оконные проемы, обильно освещая внутреннее пространство церкви, рассеивают полумрак, свойственный древним церквам, создававший ту обстановку интимности, которая должна была повергать прихожан в религиозное бла-

ქართული
ენების ენციკლოპედია

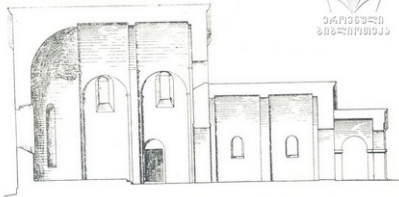
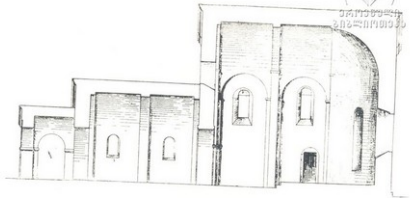

Fig. 4

הספרייה הלאומית
האוניברסיטה העברית בירושלים

Plac. 5.

гоование. Окна несут следы неумелых переделок: ушибленные, но изнутри еще сохранившие арочные очертания, они имеют снаружи четырехугольную форму (табл. VIII—XI).

Двери на северной и южной стенах храма имеют комбинированные перекрытия, в которых арка сочетается с архитравом. С внутренней стороны глубоко в арках заключены люнеты, а снаружи, по краю притолок, тянутся сильные выступы, которые с архитравами и высокими порогами образуют четырехугольный дверной проем. Такая дверь в южной стене имеет снаружи еще и заглубленный в стену наличник.

С севера к храму примыкает придел. Из зала церкви в него ведет небольшая дверь расположенная у заплечика абсиды. Другого входа в него нет. Помещение придела имеет в плане форму урезанного клина, слегка закругляющегося в северо-восточном углу. Небрежно сложенные из булыжника и оштукатуренные стены, сужаясь кверху, образуют нечто вроде коробового свода. В восточной стене имеется единственное, изнутри арочное окно. Весь облик северного придела говорит о том, что он подвергался неоднократным переделкам. Это же подтверждают сохранившиеся под штукатуркой выступы и свод. Один из них находится на западной стене, у притолоки двери, и на нем лежит блок, в котором угадывается часть пяты арки. Другой, в центре северной стены, тоже, по-видимому, служил консолью для прежней арки.

С юга к церкви примыкает широкое, но короткое сквозное помещение, служащее преддверием церкви (табл. IV). Этот притвор, сложенный весь из квадров, низко перекрыт коробовым сводом, лежащим на трех подпружных арках, плавно переходящих в пилястры, которые расчленяют продольные стены на две равные части. В северной стороне восточной стены устроена островерхая, маленькая, но глубокая нишка. Дверь, ведущая в зал, со стороны притвора перекрыта архитравом. Она оформлена широким наличником в виде широких гладких рустов, немного заглубленных в плоскость стены. Над ним глубоко посажен люнет. В дверях — высокий порог и такой же толщины и ширины притолоки. В южной стене большой арочный проем ведет наружу. Строение конструктивно не связано с корпусом церкви, на что указывают

Բաճ. 6.

вскрытые стыки и продолжающийся внутри него выступ цоколя, обрамляющий церковь.

Широкий арочный проем в западной стене зала церкви, обрамленный новым, профилированным тягой наличником, ведет во вновь пристроенный западный притвор. Это — низкое и вытянутое помещение просто в своем решении. Продольные стены расчленены на две равные части каждая совершенно гладкими пилястрами, без каких-либо украшений, переходящими в подпружные арки. На них лежит низкий и широкий коробовый свод. В южной и северной стенах по два арочных окна. В западной стене дверной арочный проем ведет наружу.

Весь интерьер церкви, стены и свод, членящие их пилястры и арки, ниши и проемы сплошь окрашены масляной краской. В целом современный внутренний вид зала и его несуразный иконостас, убогие хоры, выломанные окна, новая утварь, загромождающая помещение, и современная роспись стен, производят безотрадное впечатление.

Внешние формы здания, состоящего из прямоугольного призматического тела, перекрытого на два ската, полностью отвечают плану и возведенному на нем пространственному образованию. Примыкающие к нему добавленные детали не нарушают очертания зрительно воспринимаемого контура.

Теперешнее состояние фасадов не позволяет судить об их художественном решении, так как из-за частых переделок и штукатурки они утратили свой первоначальный вид. Южный фасад наделен двумя широкими четырехугольными окнами, расположенными на разных уровнях. К нему примыкает притвор, кровля которого срезает угол левого окна на фасаде храма. Все три стены притвора снаружи украшены аркатурой и полуколоннами, а широкая и глубокая дверная ниша в торцевой стене обрамлена высокой декоративной аркой, лежащей на спаренных полуколоннах. Гладкая вертикаль стены восточного фасада обрамлена карнизом на два ската и подчеркнута горизонталью цоколя (табл. VI). Чуть ниже центра расположено одно широкое и высокое четырехугольное окно. Из заштукатуренной стены выделяются пять камней, один с

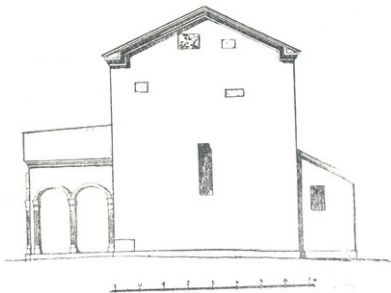

Рис. 7.

рельефом, другие же с древними надписями. Самый крупный по величине (80x60 см) камень с рельефом и другой поменьше с надписью расположены под коньком крыши, по обе стороны оси фасада. Третий и четвертый камни расположены произвольно над окном и, наконец, пятый — в нижнем южном углу фасада. Размеры и формы камней различны, но они сложены в одной плоскости с облицовывающими квадратами, которые заштукатурены. Камни эти были забелены и некоторые не совсем хорошо сохранились, поэтому и текст надписей на них читается с трудом. В свое время эти древнегрузинские письма привлекли к себе внимание академика Броссе², а затем и Д. З. Бакрадзе³.

В настоящее время они прочитаны по нашим фотографиям палеографом Т. В. Барнавели.⁴

2. Brosset, Rapports sur un voyage archéologique, I—8, SPB 1849—1851.

³ Бакрадзе Д., Очерки Мингрелии, Самурзакани и Абхазии: Кавказ, 1860, № 48—49.

⁴ Приводим полностью прочтение этих древнегрузинских надписей и их толкование Барнавели.

Первый камень. Две надписи, одна над другой, каждая в одну строчку; письмом «псхური», только в слове «Илорисао» (Илорский) последняя буква «о» выписана древнегрузинским заглавным письмом «асомтаврили». Нижняя надпись выполнена грузинским письмом «мхедрули».

а) верхняя надпись: $\text{I} \text{X} \text{V} \text{ } \text{S} \text{A} \text{N} \text{C} \text{T} \text{U} \text{S} \text{ } \text{G} \text{E} \text{O} \text{R} \text{G} \text{I} \text{U} \text{S} \text{ } \text{E} \text{P} \text{I} \text{S} \text{C} \text{O} \text{P} \text{U} \text{S} \text{ } \dots \text{ } \text{T. V. } \text{S} \text{E} \text{N} \text{I} \text{D} \text{A} \text{O}$

გეორგი ილორისაო, შეიწყალე გეორგი
в переводе: «Святой Георгий Илорский, помилуй Георгия...»

б) нижняя надпись: $\text{X} \text{ } \text{S} \text{A} \text{N} \text{C} \text{T} \text{U} \text{S} \text{ } \text{G} \text{E} \text{O} \text{R} \text{G} \text{I} \text{U} \text{S} \text{ } \text{E} \text{P} \text{I} \text{S} \text{C} \text{O} \text{P} \text{U} \text{S} \text{ } \text{G} \text{E} \text{O} \text{R} \text{G} \text{I} \text{U} \text{S}$

т. е. «X. Святой Георгий, помилуй архиепископа Георгия»
в переводе: «X. Святой Георгий, помилуй архиепископа Георгия».

По характеру письма обе эти надписи, по-видимому, являются одновременными и можно предполагать, что в конце первой строки в поврежденном месте надписи было обозначено звание молителя «архиепископ», написанное под титулом. Сохранившиеся на камне фрагменты букв, при изучении их на месте, могут помочь в восстановлении утраченного слова.

В обеих рассмотренных надписях должно быть дано моление одного и того же лица — Георгия архиепископа; личность архиепископа Георгия по другим источникам как будто неизвестна.

ქართული
ენობრივი

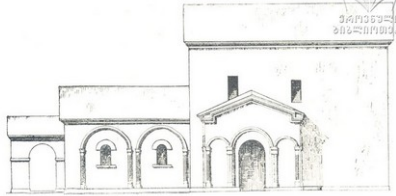
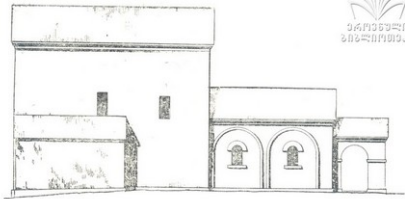

Рис. 8.

ქართული
ენების ენციკლოპედია

Общий вид первой надписи и начертание отдельных ее букв шлодит ближайшие параллели в грузинских эпиграфических памятниках рубежа X—XI вв. и в первой половине (точнее в первой четверти) XI века.

Вторая надпись исполнена очень ранним грузинским светским письмом «мхедрули» и своими чертами приближается к письму Баграта IV (1027—1072 гг.) хотя в некоторых деталях ранней.

Второй камень. Две другие надписи исполнены одним почерком: смешанным древнегрузинским письмом «асомтаврули» (заглавным) и «нусхури» (строчным), хотя на первый взгляд кажутся исполненными письмом «асомтаврули». Для начертания букв характерно точечное завершение их конечностей, а в буквах „ჲ“ и „ჳ“ косое направление нижнего выноса с линии наверх. Палеографический характер этих надписей позволяет отнести их к ряду грузинских эпиграфических памятников рубежа X—XI вв. и первой половины (первой четверти) XI века.

а) первая надпись: [ჩ] ო ო... .. ძიკა ო... ..

т. е. „[წმიდაო] გიორგი ილ[ორისაო] . . . ძეა თ . . . [შეიწყალე]“. в переводе: «(Святой) Георгий Ил (орский)... дзе Т... (помилуй)».

б) вторая надпись: [ჩ] ო ო ღაძიკა
ის ძიკა.....

т. е. „[წმიდაო] გიორგი, გიორგი ივანეს (ილორიონის, იოსების?) ძე [შეიწყალე]“

и переводе: «(Святой) Георгий, Георгия сына Ивана (Иларриона, Иосифа?) (помилуй)».

В этом случае также целесообразно проверить эти надписи на месте, т. к. фрагменты каких-либо букв могут помочь нам получить более полный их список и, следовательно, более полный текст.

Третий камень. Надпись пятистрочная: хорошо сохранилась. По характеру письма аналогична предыдущим двум надписям и должна относиться к тому же периоду.

[ჩ] ო ო ო ო ო
ქათქათა ძიგნა
წო ო ო ძეძიკა ძიკა
ძიკა ო ო ო
ძიკა

Ничем не примечательный северный фасад имеет два широких четырехугольных окна, расположенных на разных уровнях над примыкающим к храму приделом. Придел размещен в восточной стороне фасада и своей восточной стеной не доходит до края западной стены храма лишь на 12 см. Глухие и неровные стены его крыты на один скат.

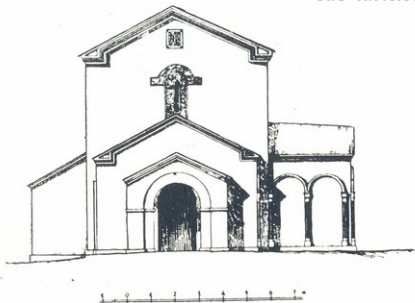

Рис. 10.

ე. წმიდაო გიორგი, შეიწყალე გიორგი ქოჩოლვაძე მღვდელი;
 წმიდაო გიორგი, მფარველ მექმენ დიდსა მას ღლესა."

в переводе:

«Святой Георгий», помилуй Георгия Кочолвай священника; святой Георгий, будь хранителем мне и день тот великий (страшного суда)».

Четвертый камень. Трехстрочная надпись: исполнена древнегрузинским письмом «нусхური». По фотоснимку почти невозможно разобрать; по начертанию отдельных букв эта надпись должна относиться к тому же периоду, что и предыдущие.

Судя по фотоснимку, текст этой надписи, хотя бы частично, можно восстановить при тщательной проработке на месте.

Западный фасад обнажен только в верхней своей части. Нижняя же часть заслонена примыкающим к нему притвором. Композиционное построение верха фасада оживлено двумя декоративными пятнами, расположенными по вертикали. Сверху фасад ограничен карнизом на два узких резных изображения процветшего креста. Под крестом узкое полуциркульное окно обрамлено широким резным наличником и навершием. Примыкающий к западной стене новый притвор, высотой вдвое ниже храма, но по ширине лишь немного уже. Над декоративными арками и полуколоннами продольных стен по два арочных окна. Весь притвор сложен из современного стандартного кирпича и оштукатурен. Декоративное убранство стен и проемов выполнено штукатуркой.

К торцевой стене притвора примыкает приземистый портик с коробовым сводом, открытый наружу тремя арками. Он обрамляет широкий арочный вход в западный притвор. Два массивных столба, чуть ли не кубической формы и два соответствующих им пилястра соединены перекинутыми между ними мощными арками. Центральная арка выше боковых и вокруг обведена широким, но не глубоким уступом. Весь портик сложен из хорошо тесаных квадров песчаника (табл. VII).

Построенный на нетвердом грунте, храм не подвергся какой-либо деформации в результате оседания или же других естественных причин. Мощный фундамент в глубину достигает немногим больше одного метра. Фундамент, выступая снаружи от плоскости стены на 40 см, представляет собою сплошную забутовку из булыжника и цементирующего его раствора, в состав которого входят известь и неоднородный морской гравий. Верхний его слой сложен из одного ряда широких плит песчаника толщиной в 8 см, по-видимому, для выравнивания горизонта основания для стены. На нем, начиная прямо от поверхности земли и отступая от плоскости стены на 24 см, на известковом растворе с песком сложены плинфы в четыре ряда. Судя по всему они выполняют роль гидроизоляции. Последнее вполне резонно, так как местность здесь низменная и очень сырая. Это видимо учитывали строители и, как сообщает Цампи, «Приходские церкви преимущественно

строят на возвышенностях, чтобы предохранить живогись от сырости»⁵. Здесь же не представилась возможность использовать этот прием, вследствие отсутствия возвышенности и поэтому, желая оградить от влаги стены церкви, сложенные из меркульского песчаника, который как губка впитывает в себя воду, строители использовали плинфы из сильно обожженной глины.

Поверх плинф на растворе идет ряд квадров песчаника правильной формы, высотой в 25 см. Он служит цоколем и, отступая от плоскости лежащих на нем стен на 10 см, обходит по наружному абрису всю древнюю часть храма. На нем воздвигнуты стены. Все наружные стены храма облицованы квадратами, но сейчас они сплошь заштукатурены.

Зондаж на восточном фасаде показал, что штукатурка наложена на поверхность стены одновременно тремя слоями. Как это сообщалось в исторической части работы, последний (наружный) слой штукатурки был наложен в начале нынешнего столетия, когда к церкви был пристроен западный притвор и она подверглась полному капитальному ремонту. Идентичность составов материала и техники исполнения говорят об этом же. Второй слой был наложен во время ремонта в 1860 году и, наконец, первый слой штукатурки относится к 40-м годам XIX века, когда храм был обрамлен новыми карнизами и были обновлены сильно пострадавшие от разрушения стены.

Под вскрытой штукатуркой обнажилась часть стены, облицованной тщательно подогнанными друг к другу плитами песчаника попеременно с асыпом. Правильной формы, но разных размеров плиты не всегда выдерживают горизонтальную линию кладки, а иногда заходят из одного ряда в другой.

А. Павлинов, посетивший в конце XIX века Илори, свидетельствует, что «Церковь облицована тесанным камнем, ныне выштукатурена и носит следы многих и частых исправлений»⁶. Выше говорилось, что храм был отштукатурен при последнем ремонте в середине XIX века. О состоянии интерьера храма Павлинов ничего не говорит.

⁵ Шарден, Путешествие по Закавказью, Т., 1902, стр. 34.

⁶ Павлинов, Экспедиция на Кавказ 1888 года: МАК, III, стр. 17.

Адзинба посетил храм в 1938 году и составил его краткое описание, в котором говорится, что храм построен из булыжника, оцементированного известковым раствором, и что внутри стены храма сохранили фрагменты древней росписи.

Видимо, сильно поврежденная старая штукатурка внутри храма, на которой остались «фрагменты древней росписи», обвалила под собою внутреннюю сторону стен храма, выложенную булыжником, и из этого Адзинба сделал предположение, что храм весь выложен из булыжника и оштукатурен.

В 1953 г. храм вновь подвергся ремонту. Внутренняя сторона стен и своды были полностью оштукатурены и окрашены масляными красками. В следующем году, как сообщалось, приглашенные богомазы уродливо расписали стены церкви и, к сожалению, под этой убогой росписью скрыты те немногие фрагменты древней фрески, которые пощадило время.

Таким образом, храм с наружной стороны облицован тесанным камнем, а с внутренней стороны выложен из булыжника.

Собственно технический процесс, видимо, проходил следующим образом. По внешней поверхности выкладывались тесанные прямоугольные квадраты из меркульского песчаника и асыпа, а с внутренней стороны стена выкладывалась булыжником, в расчете на штукатурку и роспись. Одновременно пространство между ними забутовывалось массой из извести, гравия и булыжника. Это обычная техника в средневековом строительстве. Проследить характер булыжной кладки с внутренней стороны стены не представилось возможным. Этот вопрос может быть выяснен лишь после того, как удастся вскрыть хотя бы часть поверхности стен.

Стены интерьера, как было уже указано, расчленены на небольшие плоскости пилястрами, оконными и дверными проемами и арками. Можно предположить, что и пилястры с обрамляющими их навершиями, и арки, и ниши, и откосы проемов выложены из тесанного камня. Вскрытая притолока двери в северный придел сложена из рядов крупномерного кирпича (древних форм) вперемежку с квадратами песчаника и

⁷ Адзинба, Архитектурные памятники Абхазии, Сух., 1958, стр. 81.

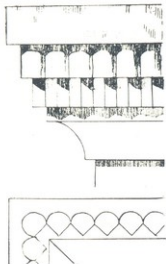

Рис. 11.

друг к другу. Еще ниже другой ряд сухариков, но уже в виде разрезанных по диагонали кубиков, под которыми сплошной лентой тянется выкружка. Профиль карнизов на пристройках несколько иной. Повторяя те же мотивы, в них однако отсутствует ряд кубических сухариков. Карнизы на западном притворе и портике выполнены из штукатурки, а на северном приделе он вовсе отсутствует.

Коробовый свод покоится на подпружных арках. Для его возведения были применены опалубки на кружалах укрепленных на деревянных балках. Этот принцип прослеживается на памятнике Мармал-Абаа² (табл. XVII—XVIII), где в лятах свода сохранились гнезда для балок. Этот же принцип распространен вообще во всей грузинской архитектуре.

² Абхазское название местного пористого известкового туфа.

³ Кацья А., Мармал-Абаа, рукопись хранится в Абхазском институте языка, литературы и истории АН ГССР.

асыпа⁸ (табл. XIX). При этом кирпич идет сплошными рядами в нижней части, сложенной на кирпичном же основании, выступающем от стены на 10 см, в уровне потолка.

Венчающие стены карнизы, выполненные из меркульского песчаника, установлены на церкви в 40-е годы прошлого столетия. Следует отметить, что аналогичными карнизами обрамлены многие церкви вблизи Илори (Беслаху, Аджампазра, Джал и др.). Они сложены из резных камней и состоят из неширокой полочки, под которой имеется ряд сухариков в виде срезанных вдоль цилиндров, плотно прижатых

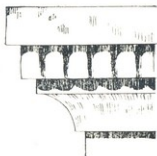

Рис. 12.

Судя и по другим памятникам, расположенным вблизи Илори, где хорошо прослеживается техника сложения свода, можно сделать довольно верные выводы и заключения об устройстве сводов Илорского храма. Короб свода в этих храмах выложен из блоков асыпа. Подготовленные для этого соответствующим образом, т. е. заклиненные киязу по форме, требующимся радиусом свода, они плотно подгонялись друг к другу и заливались известковым раствором, заполнявшим малейшие щели между ними. Кладка тщательно выполнялась, что особенно ясно прослеживается в кладке коих, где блоки радиусом разворачиваются вокруг центрального блока, служащим одновременно и замком в триумфальной арке. Поверх свода идет сплошная забутовка на два ската, по которой обычно накладывалась кровельная черепица или шифер.

В 1959 году, во время ремонта крыши церкви, под заменявшимся железным листом, была обнажена старая, сильно поврежденная кровля. Она была сложена из распространенной когда-то в Абхазии черепицы древних форм, идентичной той, которой был крыт и Моквский собор. Держалась черепица на крепком известковом растворе, наложенном поверх скатов перекрытия.

Как говорилось выше, вход в ограду венчает колокольня, которая занимает определенное место в архитектурном комплексе храма. Первые сведения о ней встречаются у Ламберти, который писал: «церковь святая вся окружена каменной оградой, высота которой будет 15 пядей. При входе большие ворота, над которыми выстроена прекрасная колокольня со многими колоколами»¹⁰. К сожалению, лишь нижняя часть этой колокольни до нас дошла, верхняя же построена заново в первой половине XIX в.

Колокольня состоит из двух частей: нижнего куба, со сквозным арочным проходом, и верхнего киоска с колоколами. Куб покоится на квадратном в плане профилированном цоколе. Внутреннее его помещение перекрыто шатровым сводом. Вдоль стен расположены три поздние надгробные плиты с

¹⁰ Ламберти, Описание Колхиды...: СМОМПК, вып. 43, Тф., 1913, стр. 152.

рамленных с четырех наружных сторон профилированными поясками, соединены пятью полукружными арками, на которых покоится широкий выступающий антаблемент. Кiosk перекрыт сферическим куполом. Верх этого сооружения венчает островерхая пятигранная пирамида крыши. По углам образующие столбы, наружные края арок и выступ урешены резными сухариками и галтелью тех же мотивов, что и карнизы церкви. В целом колокольня не производит впечатления гармонического и пропорционального архитектурного сооружения, а еще более поздняя, пристроенная грубая лестница подчеркивает несоответствие форм и частей колокольни.

Непосредственно к колокольне (с северной ее стороны) и ограде примыкает небольшое помещение сторожки, состоящей из двух комнат. Сложено оно из булыжника и со всех сторон оштукатурено. Это позднее строение утилитарного назначения весьма невыигрышно выглядит в комплексе храма. От колокольни со сторожкой в обе стороны тянется по неправильному кругу стена трехметровой высоты, которая сгораживает территорию храма площадью в 1.500 кв. м. Ближе к северо-западу замкнутого двора возвышается сам храм.

*
* *

Основным строительным материалом, который применен в сооружении храма и всего архитектурного комплекса, со всеми его постройками и оградой, является булыжник. Это самый распространенный в данной местности материал, находится почти под рукой и его легко достать как на берегу Черного моря, до которого менее трех километров, так и на берегу реки Гализги, протекающий в полутора — двух километрах к западу от храма.

Другим строительным материалом является песчаник, которым, в основном, облицованы храм и колокольня и из которого сделан резной наличник окна. Этот материал добывался тоже сравнительно недалеко, в 13—15 км, где и поныне остались следы разработок камня. Место это очень интересно. Неширокий отрог, высотой в 30—40 метров, протянулся почти в 20 км от горных хребтов с севера на юг вдоль левого берега реки Моква и оборвался, не достигнув берега моря, в 10

километрах у села Меркулы. Именно здесь еще издревле были карьеры, где добывался хорошо известный местному населению меркульский камень. Местные жители и прочие выделывают из него различные поделки утилитарного назначения (каменные ступы, специальные доски для растирания аджики — пряной острой приправы), облицовывают камнями и делают стойки под дома и т. д. Меркульский камень очень удобен в обработке. В момент выработки он влажен и мягок, легко поддается рубке, теске и распиловке, но стоит его высушить на солнце, регулярно поливая его водой, как это сейчас делают с бетоном, он твердеет и приобретает большую прочность. Кроме того, камень очень красив, имеет розоватый цвет, который с течением времени темнеет. Меркульским камнем облицован Моквский собор, квадры этого песчаника обнаружены в развалинах Джальской церкви. Он использован в Бедиа (в частности, из него сделан резной декор), в строительстве Беслахубской церкви и т. д.

Частично в облицовке храма использован пористый известковый туф, называемый местным населением «асып». Он сравнительно легок и поэтому его использовали в перекрытии свода. Средний размер тесанных квадров — 40x35x15 см.

При строительстве храма были использованы также крупномерные кирпичи и плинфы. Высококачественная глина, которой так богата эта местность, позволила сильно развить керамическое производство вблизи храма. К морю и на север от него имеются остатки керамических мастерских, о чем свидетельствуют находимые здесь многочисленные остатки гончарных изделий. Плинфы эти, размером 40x30x6 см, использованы при закладке фундамента, а кирпичи размером 27x18x7 см — при выведении дверных проемов.

Скрепляющим составом в кладке строительного материала использована известь, замешанная на морском песке с примесью мелкого гравия.

Первоначальная кровля была сложена из черепицы древних форм и перекрывающих ее калликтеров, которые имели широкое распространение в строительной практике средневековой Абхазии.

ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

Однонефные зальные церкви, как архитектурный тип, из-за несложности своей конструкции и сравнительной легкости строительства, воздвигались силами и возможностями отдельных родовых общин, из которых складывались политические объединения на территории нынешней Абхазии.

Этот простой тип церкви встречается почти во всех странах, исповадовавших православное христианство. Он имеет широкое распространение и в Грузии, где развитие подобного сооружения наблюдается почти весь период истории христианской архитектуры. На протяжении столетий основные строительные средства сохранялись почти неизменными, но план и форма, техника и конструкция сооружений подвергались распределенному развитию. За исключением небольшого числа купольных храмов, церкви зального типа строились и в Абхазии. К такому типу однонефной церкви относится и Илорский храм.

Переходя к художественному анализу памятника, в первую очередь, следует сказать о его плановом решении. В основе плана внутренней части лежит приближающийся к квадрату (5,80x6,40 м) прямоугольник зала, разделенный поперек на две равные части плоскими пилястрами. С востока раскрывается четко очерченная широкая полуциркулярная абсида с двумя глубокими, закругленными в плане, арочными нишами. Подобное плановое решение мы имеем в Эредви (906 г.)¹, с той лишь разницей, что пилястры на этом памятнике сильно утолщены и поэтому членение зала восприни-

¹ შეფინაშვილი რ., ერედვის 906 წლის ხეობამოძღვრული ძეგლი. *Ars Geor-gica*, 4, T6., 1944.

мается более резко. Как обычно для церквей зального типа этого времени, в зале три двери: с запада, юга и севера. (В настоящее время вход с запада превращен в широкий арочный проход, соединяющий новый притвор с залом). Строитель Илорского храма не ставил перед собою какие-либо новые проблемы при его построении. Пристройке к главному корпусу были продиктованы чисто функциональными требованиями, но от их удачного решения зависел наружный облик здания.

Южный притвор примыкает к церкви, обрамляя вход в нее. В плане он чуть вытянут с запада на восток и скошен. Конструктивно он не связан с главным корпусом, что было подтверждено зондажами на месте стыка восточной стены притвора к южной стене церкви. На это же указывает поколь обходящий храм и прослеживающийся во внутреннем помещении притвора. Но обычно в практике строительства церквей пристройки (даже те, которые возводились одновременно с церковью) не имеют конструктивной связи с основным корпусом и это не говорит за то, что он построен позже. Вместе с тем, настоящее его состояние, несовершенство технического и художественного исполнения, а равно и несоответствие с решением самого здания церкви можно объяснить тем, что он подвергался перестройке, с сохранением общих первоначальных форм и использованием старого материала и архитектурных фрагментов². Примером этому могут служить переключивавшиеся пристройки в Никорцминда³, Манглиси⁴, Саване⁵ и др. Архитектор А. Павлинов, посетивший храм в 1888 году, писал, что южный притвор «не производит цельного впечатления с церковью и очевидно позднейший»⁶.

² Как отмечалось, Илори в настоящее время принадлежит к числу действующих церквей и поэтому не было возможности досконально обследовать все пристройки, что несомненно решило бы вопрос об их первоначальных формах.

³ Чубинашвили Г. Н. и Северов Г. В., Кумурдо и Никорцминда, М., 1947.

⁴ Чубинашвили Г. Н., Заметки о Манглиском храме, в. 3, 3., 6. 1. 63., 1921-1922.

⁵ ზურაბიძე ვ., სავანე: Ars Georgica, 1, Тб. 1942.

⁶ Павлинов А. М., Экспедиция на Кавказ 1888 года, МАК, вып. III, 1893, стр. 17.

Павлинова ввела в заблуждение новая штукатурка аркады, которая скрыла под собою древнюю, и несоответствие форм притвора с массами корпуса церкви.

Функциональное назначение южного притвора было весьма важно. Он не только служил преддверием, но и выполнял и определенную роль для прихожан церкви, так как бытовавшее в средние века отношение к женщине не позволяло ей входить в церковь. Иосиф Цампи писал: «Перед дверью есть небольшая паперть, где стоят женщины, когда они приходят в церковь, чтобы побывать только на пасху. Войти в церковь имеет право только княгиня...»⁷ Это, в частности, подтверждается и тем, что в восточной стене притвора (изнутри) имеется острроверхая нишка для иконы, к которой и могли приложиться богомолки.

Другая пристройка — северный придел — примыкает к северной стене церкви, в которой имеется единственный в приделе дверной проем. Стены его так же конструктивно связаны с главным корпусом, но в отличие от южного притвора, где коробовый свод примыкает торцом к стене церкви и нет необходимости в опоре, свод придела, выведенный в прислон к церкви, не имеет собственной южной стены и врастает в стену церкви в месте вынутой для этого облицовки северной стены. Придел, по всей вероятности, мыслился и как жертвенник, но некоторые литургические функции он разделял с глубокими и высокими алтарными нишами. Подчиненность придела алтарю подтверждает и единственная дверь, расположенная вблизи нее и примыкающая притолокой к приабсидной пиллястре. Другого входа в придел нет, так же отсутствует и алтарное полукружие на востоке.

Таким образом, здесь мы можем наблюдать наличие глубоких алтарных ниш и северного придела, разделяющих служебные функции. Такое сочетание наблюдается в грузинских храмах первой половины XI века — Хциси⁸, Патара Они⁹,

⁷ Шарден, Путешествие по Закавказью, Тф., 1902, стр. 54.

⁸ Шмерлинг Рена, Древний Цвимозетский храм близ села Хциси.

⁹ Двали М., Патара Они: рукопись хранится в Институте истории грузинского искусства.

Мравалдзали.¹⁰ На архитектурном памятнике Савате северный придел уже отсутствует и вместо двери в северной стене имеется плоская ниша.

Западный притвор построен недавно. Он сложен из кирпича современных стандартных размеров. В описании храма, сделанном Павлиновым в 1888 году, он не упоминается. Так же он не имеется и на рисунке М. Рашевского, исполненном по фотографии и опубликованном в книге «Абхазия и в нем Ново-Афонский Симона-Кананитского монастырь», изданной в 1885 году (табл. I). А местный житель села 85-ти летний Лади Хочава утверждает, что притвор построен в 1902 году.

В описании Павлинова есть одно замечание, дающее возможность частично судить о том, каков был западный фасад церкви «...с запада имеется у входа каменная пристройка в виде трех арок, покрытых по фронто́ну; с юга тоже сделана пристройка у входа. Южная пристройка гораздо больше западной, с одной аркой...».¹¹

Таким образом, можно предположить, что описанная Павлиновым пристройка и есть нынешний портик. Отсюда вывод: строители предварительно разобрали портик, пристроили к западной стене церкви новый притвор, а затем, над входом в притвор, собрали портик.

По замыслу создателей Илорской церкви весь облик ее, с окружающей обстановкой, должен был воздействовать на религиозное воображение верующих. Внутреннее пространство особенно поражало его; все здесь было просто и строго, все стремилось ввысь. Узкие оконные проемы создавали тот иллюзорный полумрак, который вызывал у человека чувство некоторой отрешенности и умиротворения.

Объемно Илорская зальная церковь сложена из простейших геометрических тел — прямоугольной призмы, перекрытой сверху полуцилиндром коробового свода и органически с нею связанным полуцилиндром абсиды, крытой полукуполом (четвертью шара) — конхой. Последняя объединила все эти

¹⁰ Шмерлинг Ренэ, Мравалдзали: рукопись, хранится в Институте истории грузинского искусства.

¹¹ Павлинов А. М., цит. соч., стр. 17.

три элемента в единое внутреннее пространство. Пластичность пространства достигнута умелым и осмысленным построением пропорций и объемов в сочетании с планом и назначением строения. Для того, чтобы подчеркнуть алтарную часть храма создан уступ (посредством уменьшения ширины и конхи по сравнению с залом и его сводом), который четко очерчивает всю абсиду и выделяет ее.

Свой замысел — придать внутреннему пространству целеустремленность к востоку и подчеркнуть значимость алтаря, зодчий осуществил продуманным приемом. Он расчленил пространство пилястрами и аркой, но так, чтобы это членение не было резким — они лишь немного выступают от плоскостей. Вместе с тем, он понизил стенные ниши в восточной части продольных стен и, в довершение, расположил окна на разной высоте.

Дополнительным моментом, создающим движение и направленность к востоку, является расположение дверей на продольных стенах, которые, нарушая уравновешенность в плоскостях продольных стен, резко отнесены в сторону абсиды и своей притолокой вплотную примыкают к пилястрам, сливаясь с ними. Впервые такой прием мы имеем в более раннем, точно датированном памятнике Эредви (906 г.). В дальнейшем он прослеживается на памятниках первой половины XI в. Хциси, Дисеви, Патара Они и прекращается в Саване (1046 г.).

В более ранний период «...строитель не находит нужным нагружать здание конструктивно ненужными элементами. В зрелом средневековьи эта суровая лаконичность забыта; всякая, даже маленькая зальная церковь лишенная какого-либо отпечатка индивидуальности, включает подпружную арку свода в число естественных и привычных элементов своей архитектуры»¹². Такое решение членения пространства и расположения на плоскости стен проемов нарушает спокойную симметрию и уравновешенность отдельных его частей, господствовавших в более ранних памятниках средневековой архитек-

¹² Н. Чубинашвили и Ренэ, Шмерлинг, Храмы в древних селениях Триалети, *Ars Geographica*, 2, Тб., 1948.

туры, и создает впечатление движения, напряженности и динамики. Закономерность развития подобного приема прослеживается в памятниках Эредви, Хциси (1002 г.), Патира Опи (первая четверть XI в.) и Саване.

Плавные и четкие очертания коробового свода, ограничивающего сверху внутреннее пространство, делают его зрительно легким и невесомым.

Первоначальный архитектурный облик сооружения нарушен и на первый же взгляд он не оставляет впечатление цельного, законченного произведения. Но главный корпус и пристройки с севера и юга, которые частично перекладывались, в общих массах сохранили первоначальные формы. Неоднократные и частые переделки и починки храма, подвергнувшегося насильственному разрушению, затрудняют произвести его реконструкцию. Однако подробное изучение всех важных архитектурных частей и фрагментов, их сопоставление и сравнение с материалами изученных памятников грузинского зодчества дало возможность произвести в общих чертах графическое восстановление первоначального облика храма (рис. 14).

Накануне XI века в грузинской архитектуре наблюдался переход к исканиям средств декоративной отделки фасадов. Сперва происходило подчеркивание декором архитектурных членений здания, а затем уже стремление декоративными пятнами создать его художественный облик. Усиление значения декора способствует исканию новых систем и разработок орнаментальных мотивов.

Теперь трудно сказать, как выглядели фасады здания Илорского храма. Но общие закономерности развития оформления внешнего облика сооружений в грузинской средневековой архитектуре, дает нам возможность получить о них хотя бы приблизительное представление. Характерной чертой для абхазских памятников VIII — X веков является сдержанность. Илори же отличается от них тем новшеством, что в нем отразились творческие искания той эпохи, когда художественный облик здания получил оживление декоративным убранством. Можно предположить, что фасады здания имели строгое и лаконичное решение, как и большинство зальных церквей.

FIG. 14.

XI века, но в то же время декоративное убранство стен, оконных и дверных проемов привлекало особое внимание зодчего. Разумеется, главное внимание мастера было сосредоточено на декоративном решении восточного фасада. В настоящее время на нем не сохранилось каких-либо фризных элементов, которые бы могли пролить прямой свет на этот вопрос. Поэтому все мастера волновали пропорции фасада. Ширина его равна высоте до карнизов. Установить первоначальную высоту плоскости стены под скатами карнизов невозможно из-за того, что она переключивалась. Настоящий угол скатов стал пологим за счет повышения продольных стен, но примеры пропорций фасадов XI века (Саване, Хциси, Патара Они и др.) говорят за то, что угол скатов был острее, что создавало большую стройность и соответствовало достижениям времени.

Облицовка восточного фасада почти вся переключивалась. На это указывают камни с надписями, которые совершенно произвольно раскинуты на плоскости фасада, начиная с цоколя и до карнизов, и косой цоколь. Зодчий XI века, с таким тактом и умением создавший художественный облик здания, не мог позволить себе подобное.

Алтарное окно, как и другие окна на продольных стенах, было уширено и получило четырехугольную форму, во время капитального ремонта здания в 40-е годы прошлого столетия. По-видимому в его ремонте приняли участие мастера, воспитанные на традициях позднего русского зодчества, где широкие световые проемы церквей обильно освещают их внутреннее пространство. Тогда же были убраны декорированные наличники и лишь западное окно оказалось пощаженным. Оно как раз и дает нам возможность судить о резном обрамлении оконных проемов. Невысокое расположение алтарного окна позволяет допустить, что над ним, т. е. на образовавшейся широкой плоскости стены фасада, могло находиться какое-либо декоративное пятно. Чаще всего в зальных церквях этой эпохи наблюдается расположение резного креста (Патара Они, Саване, Хциси).

Декоративное убранство окна на западном фасаде храма играет важную роль в определении первоначального художественного облика здания и его датировки. К сожалению,

оно не дошло до нас в нетронутом виде. Подбор частей декорированных блоков и очертания внутренней части окна, его притолок говорят о том, что окно, во время одного из ремонтов, перекладывалось.

Резной плоский декор окна незначительно на поверхности стены (табл. XII). Он состоит из частей: широкого наличника, обходящего световой проем и завершающегося сверху полукружием, и плотно насаженного на вершина, повторяющего линию изгиба с развернутыми по горизонтали концами.

Оконное оформление исполнено на отдельных блоках. Места стыков камней и нанесенных на них рисунков декора заметны даже снизу. Настоящая ширина оконного просвета значительно шире первоначальной. На это прежде всего указывает следующее: с внутренней стороны декорированный наличник обходит жгут, ныне срезанный и лишь местами сохранившийся. В перемычке наличника внутренний жгут сохранился почти полностью, а под ним частично сохранилась заглубленная до уровня стены плоскость, шириной в 2—3 см, которая, видимо, обходила оксный просвет. Если учесть это, то окажется, что оконный просвет был шириною в 6—7 см. То, что окно было уже, подтверждает и установившаяся в архитектуре церквей небольшая ширина светового проема окна.

Наблюдения приемов украшения оконных проемов на архитектурных памятниках средневековья приводят к убеждению, что художественное оформление окон имеет совершенно определенные пути в закономерных этапах развития грузинского зодчества. Если проследить приемы оформления оконных проемов начиная с VII в. и до XIV в. и попытаться поставить в этом промежутке оконное убранство Илорского храма, то его художественно-композиционные данные займут совершенно определенное место, ограниченное хронологическими данными первой половины XI века.

В группе ранних памятников (Болниси, Джвари, Цроми, Акаурта, Акванеба и др.) наличников не было и окна украшались лишь навершиями разного вида. Эта же тенденция с незначительными вариациями наблюдается и на памятниках последующего времени вплоть до середины X века (Самшвил-

де, Армази, Кумурдо, Эредви и др.). Со второй половины X века впервые прослеживается фасадное окно оформленное декоративным наличником, обходящим вокруг светового проема. Но напершию пока еще отводится доминирующая роль. Его подчеркивают большей выпуклостью, рельефом или же цветом. В Кумурдо эта подчиненная роль наличника в композиционном построении оконного оформления постепенно сводится на нет. С начала XI века, уже на западном фасаде Кутаисского храма Баграта (1003 г.), декорированные напершия и наличник выполнены в равной художественной степени. А в последующее время, постепенно сближая эти отдельные элементы (Хциси), мастера приходят к мысли слить их в единое художественное пятно, и уже в малой церкви Ишхани (1006 г.) полукруглое напершие с горизонтальными отворотами плотно насаживается на наличник. Такая композиция укрепляется как художественный прием в первой половине XI века¹³.

Мотив убранства наличника рисуется как ленточное плетение движущегося растительного побега, с отходящими от него широкими округлыми шестиллопастными листьями. Плавнo извиваясь, он обходит все поле широкого наличника, обрисовывает его наружные и внутренние контуры и обрамляет каждый лист, отделяя таким образом их друг от друга (рис. 15). Схема рисунка проста и ясна. Каждый элемент воспринимается без напряжения. Незагруженный фон отчетливо выявляет наложенный на него декор, а слишком свободные просветы заполнены небольшими круглыми объемами с круглыми дырочками.

Снаружи и изнутри наличники обведены витыми валиками. Валик состоит из вогнутой ленты, которая выделена глубокой бороздкой. Витые валики на фасадах применяются уже с начала XI века (Хциси, Никориминда, Кацхи, Саване).

¹³ Долидзе В. О., в своей работе «Хозита-Майрам — документ культурных связей Грузии с народами Северного Кавказа» (Сообщения А. Н. Грузинской ССР, т. XV, № 2, 1954), приводит таблицу развития композиции подобного оконного украшения в хронологической последовательности. Из этой таблицы видно, что такое решение оформления окна начиная с Ишхани прослеживается в Хозита-Майрам, Никориминда, Патара Они и обрывается (конечно условно) памятником 1046 года Саване.

Декоративный рисунок наверху выполнен в том же духе, с той лишь разницей, что примыкающие к побегу стилизованные листья имеют форму сужающегося треугольника. Наверху также обведено со всех сторон витыми валиками.

Орнаментальная схема декора оживлена тем, что отдельные ее детали не повторяются. Они мыслятся как самостоятельные ее детали, из которых сложен узор, подчиненный единому композиционному замыслу.

Скульптурная выразительность орнамента производит приятное впечатление чувства пластичности и живости декора.

Композиционное построение рисунка орнамента отличается простотой и легкостью. Движение ленты растительного побега здесь еще не вырисовывает определенно S-образную фигуру, которая вошла в обиход грузинских мастеров в конце X века и получила свое выражение в декоре храма Баграта в Кутанси, Никорцминда, Свети-Цховели, Самтавро и др.

Другой мотив с узкими треугольными листьями, появившийся в Зелло-Крихи, еще размельчен, а в декоре кутанского храма Баграта уже полностью разработан.

Характерными для первой половины XI века являются также приемы художественного и технического исполнения

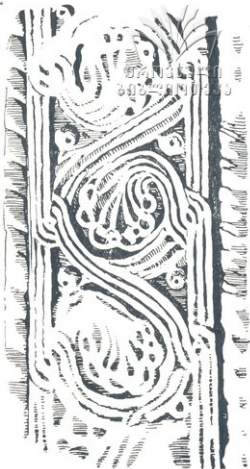

Рис. 15.

резьбы. Основной элемент орнаментальной схемы — ленточный побег — имеет обыкновенное членение двумя бороздками. Этот прием входит в употребление в тот же период (Манглиси, Самтависи и т. д.). Места переплетения ленты отмечены маленькими, круглыми и глубокими отверстиями, вокруг которых идет изгиб побега. Лиственные лопасти резаны обычным приемом на два скоса. Причем, закругленный конец каждой лопасти образует лунку в форме полукруга и отделен прямым краем от остальной части. Места соприкосновения лопастей просверлены такими же отверстиями, как и на побеге. Аналогичные приемы обработки листьев прослеживаются в резьбе декоров Манглиси, Свети-Цховели и др.

Заслуживает внимания момент прикасания стебля листа к ленте побега. С последним стебель не связан и не выходит из него. Здесь мастер, не желая нарушить поток бороздок на ленте побега, лишь приставляет стебель к побегу. Это прослеживается четко. Такой прием впервые встречается в Патара Опи. Но уже в Икорта (1172 г.), очень похожая на илорский декор, схема рисунка отличается именно тем, что стебель листа не приставлен к побегу, а ответвляется от развивающегося побега (на что четко указывают и бороздки на нем).

Некоторой орнаментальностью отличается посадка на свободном фоне декора наличника и навершия маленьких круглых шишечек с отверстиями посередине. Не желая оголять фон, мастер решил оживить его свободное поле и этим достиг равномерного заполнения всей плоскости фона резным орнаментом.

Характерно обработан витой валик, обрамляющий наличник и навершие. Он идет сплошной, чуть вогнутой посередине, лентой, мелкие витки которой четко разделены глубокими бороздками. Витой валик появляется уже с начала XI века и применяется для оформления фасадов (Хиси, Никорцинда, Саване, Кацхи).

Суммируя особенности декоративного обрамления западного окна, нужно отметить мягкость его пластических форм, свободу рисунка, неглубокую, но четкую резьбу в одной плоскости и отдельные технические приемы, которые позволяют отнести время исполнения его к первой половине XI века.

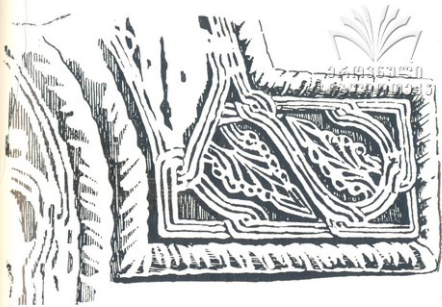

Рис. 16.

От декоративного оформления стен фасадов сохранилась аркатура на наружных стенах южного притвора. Из семи арок и десяти полуколонн, скрытых под толстым слоем штукатурки, удалось вскрыть одну арку и две полуколонны, причем одна из них спаренная, другая же одинарная. Полуколонны были отштукатурены и каннелированы, а арки вытянуты простым валиком во время капитального ремонта в 40-х годах прошлого столетия, когда были переделаны окна, потому что песчаник, из которого резались декорированные полуколонны, их капители и базы, подвергся сильному разрушению. Хорошо прослеживается и перекладка резных блоков аркады во время последующего ремонта. На это указывают случайные блоки и кирпичи, заполнившие недостававшие части декора (табл. XIII — XV).

Простой валик арок и резные полуколонны, выступая от плоскости стены на $\frac{1}{2}$ своего диаметра, высечены на отдельных квадратах песчаника и затем составлены. Торцевая стена сбрамлена тремя объединенными звеньями арок и полуколоннок, на которые они опираются. На продольных стенах по

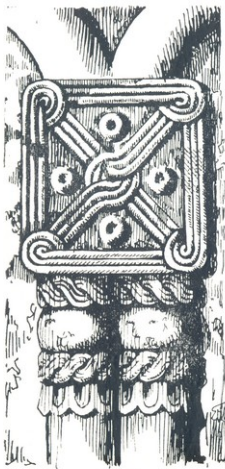

Рис. 17.

решен несколько своеобразно. Собственно здесь использован распространенный мотив переплетения ромбиков. Но мастер заменил острые углы закругленными и в основу рисунка взял промежуточное место соединения звеньев ромбов и заключил их в переплетающуюся раму.

Ленты плетения и пояски профилированы двумя глубокими бороздками. Места соединения переплетающихся лент отмечены круглыми дырочками. На всех капителях и базах один и тот же мотив рисунка. Подобный прием наблюдается

два звена арок и полуколоннок. Арочный пролет центрального звена, обрамляющий нишу дверного проема, шире и выше остальных пролетов и опирается на две старшие полуколонны. Остальные же арки опираются на одинарные полуколонны.

Полуколонны состоят из трех составных частей: гладкого ствола, обрамленного с обоих концов резными украшениями, орнаментированной капители и такой же базы (рис. 17).

Резные украшения стволов на всех полуколоннах одинаковы. Они состоят из сплюснутых шаров, обрамленных с двух сторон витыми поясками. Переход украшений в стволы оформлен полуманжетом, состоящим из фестонов, перехваченным витым пояском. Капители и базы украшены резными переплетающимися лентами. Мотив состоит из расположенных по диагонали лент, замкнутых в квадратные ленточные же обрамления. Места свободного фона оживлены небольшими круглыми шишками с отверстиями посередине. Рисунок

и на притворах Манглиси, Кацхи и др. В такой же технике выполнены фестоны. Закрепленные, глубоко вогнутые их язычки обведены неширокой волнообразной лентой, которая в местах соединения образует чуть выступающую грань.

Мотивы оформления полуколоннок шарами появляются на рубеже X—XI веков. В Кумурдо их еще нет, но уже в Хциси, Руиси, Манглиси, Никорцинда и других памятниках они уже получают свое применение в оформлении полуколоннок на фасадах здания. Форма шаров приплюснутая. Это, по-видимому, продиктовано тем, что мастер не хотел нарушить восприятие стройности полуколонны, резное украшение которой сильно сократило бы ствол. Те же мотивы побудили его дать фестоны лишь в одну сторону. В большинстве случаев фестоны, украшающие полуколонны грузинских памятников, даны развернутыми в оба конца в форме как бы манжетов, перехваченных пояском. Здесь же «манжет» дан лишь в половину. Подобный пример мало распространен и наблюдается в некоторых памятниках первой половины XI века: на восточном фасаде храма Баграта в Кутаиси и северном портике Руиси. Разница состоит в том, что «полуманжеты» на Илори перехвачены витым пояском, а в этих памятниках профилированным пояском.

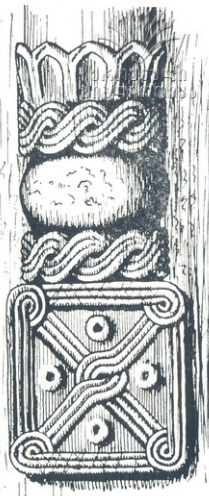

Рис. 18.

Вскрытый под штукатуркой декор фасадов южного при-
твора, по сравнению с декором наличника окна, сильно постра-
дал. Это можно объяснить тем, что он расположен низко и
поэтому больше подвергался повреждению как во время землетря-
тов и разрушения храма, так и воздействию сырости.

Позднее декоративное пятно на западной стене храма
вносит диссонанс в художественное решение фасада. Прямой
крест четко выделяется над коньком фасада. В центре его и
на концах небольшие заглубленные кружочки. Из всех четы-
рех рукавов креста веерообразно отходят лепестки трилист-
ника. Они заполняют весь фон, оставляя узкий зазор в местах
их должного касания, идущий по диагонали от середины кре-

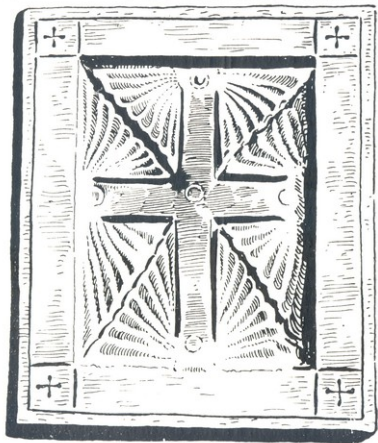

Рис. 19.

ста. Крест посажен в четырехугольную широкую гладкую раму с заглубленными крестиками по углам, отделенных прямыми бороздками от остальной плоскости рамы. Снаружи она обведена узким гладким валиком (рис. 19).

Декор креста ощутительно контрастирует с пыльным оконным обрамлением. Чувствуется, что мастер, использовавший древние мотивы и приемы в изображении процветшего креста, счел излишним соответственно обработать рамку, которую он решил весьма просто. Мастер же XI века не мог создать подобный столь утяжеляющий фасад.

Рельефное изображение на восточном фасаде исполнено на плоскости одного камня (табл. XVI). Мастер дает определенную сюжетную сцену в примитивном графическом рисунке на всей поверхности камня. Рельеф незначительно выступает над плоскостью грубо обработанного фона.

Рисунок изображает св. Георгия с высоко поднятым мечом в правой руке, верхом на скачущем коне, под ногами которого вырисовывается поверженная фигура Диоклетиана.

Композиционное решение рельефа далеко от совершенства. Фигуры даны схематично и плоско, без соблюдения нужных пропорций, и не увязываются друг с другом. Совершенно отсутствует третье измерение, а также понятие пространственного построения композиции.

Бесформенная фигура св. Георгия сильно укорочена. Огромная круглая голова без традиционного нимба, сужающаяся книзу, не имеет волос и головного убора. Грубые черты лица сохранили лишь нос и глаза. Рот не обозначен. Поднятая вверх правая рука с мечом, левая, опирающаяся на коня и держащая уздечку, а также правая нога в стремях даны совершенно условно. Св. Георгий облачен в сетчатую кольчугу с короткими рукавами и опоясан ремнем, усаженным крупными выпуклыми звеньями поясного украшения. Фигура дана в фронтальном изображении, тогда как нога поставлена в профиль.

Скачущий конь изображен в профиль. Кроме уздечки и еле вырисовывающегося на ноге ездока стремени, на нем нет какого-либо украшения. На его бесформенной голове в фас посажены два глубоких круга глаз и торчащие уши. Вытяну-

тые бесформенные ноги, развевающийся длинный и тонкий хвост, разделенный на три косички глубокими бороздками и перехваченный жгутом, передают момент движения — бега коня, что усиливает сильно изогнутое туловище с высоко поднятым крупом.

Под конем дара поверженная вниз головой фигура императора Диоклетиана в простом платье. Он дан в профиль, с прижатой к туловищу изогнутой, бесформенной правой рукой с тремя еле заметными пальцами и расходящимися врозь ступнями ног. Голова его не сохранилась, но место скола камня прочерчивает ее формы.

Технические приемы исполнения рельефа примитивны. Края выступающих над поверхностью фона объемов срезаны просто на скос, без какой-либо проработки или же плавного закругления.

Поверхность рельефа находится на уровне стены, а заглубленный фон вынут в камне. Следует сказать, что в ранних рельефах св. Георгий, как правило, изображается с нимбом. Кроме того иконографическая трактовка не дает нам примера в ранних памятниках изображения св. Георгия на коне с мечом. Везде он поражает Диоклетиана копьем.

Оба поздних резных рельефа, изображающие процветший крест и св. Георгия на западном и восточном фасадах, исполнены в разное время. На это указывают сухое, не точное художественное исполнение мастером креста, использовавшим отдельные мотивы древних примеров и крайне примитивная и неумелая резьба рельефа св. Георгия.

Суммируя результаты анализа художественных и технических приемов и способов, примененных в сооружении Илорского храма, можно сделать выводы, что зодчий не ставил перед собою какие-либо вопросы оригинальных конструктивных решений. Добросовестно выполняя строительство храма по уже откристиализовавшимся традициям, он всецело обратил внимание на безукоризненное исполнение всех архитектурных форм и членений. Кроме того, он выразил в своем творчестве новые искания эпохи, стремясь к декоративному убранству в оформлении фасадов храма. А исследование данных, полученных в результате аналитического изучения па-

мятника и их сопоставление с материалами других изученных памятников ставит Илорский храм в круг памятников архитектуры первой половины XI века. Этой датировке памятника не противоречат и палеографические данные древнегрузинских надписей на камнях восточного фасада.

На территории нынешней Абхазии колокольные встряпки встречаются редко и те, которые есть, например, в Мэква, очень поздние. «В Мингрелии колокола редки и невелики, вследствие дороговизны металла... для того, чтобы созвать верующих в церковь..., сначала бьют в священную доску (тонкая дощечка шириною в ладонь, длиной около 5 ладоней), а потом звонят в колокола. Однажды я спросил у одного бера, отчего сперва они не звонят в колокола? Он отвечал мне, что таков обычай первых христиан и что звук, издаваемый этой дощечкой, напоминает о животворящем древе».¹⁴

Илорская колокольня поставлена над оградой и нижняя часть ее служит проходом на территорию церковного двора. Причем она расположена не на продольной оси церкви, а отнесена несколько к югу таким образом, что входящий оказывается с ее юго-западной стороны, и перед ним оба входа в церковь — южный и западный. Этот продуманный прием имеет свое распространение в строительстве колоколен на территории Грузии.

Колокольня, разумеется, подвергалась перестройке. Можно предположить, что единственной более или менее сохранившейся частью является первый ярус с широкими арочными сквозными проходами и сводом. Второй ярус — пятигранный шатер, сложен в 40-е годы XIX века из тщательно тесанных и подогнанных квадров песчаника. Из того же песчаника очень аккуратно исполнено декоративное убранство карнизов и арок из сухариков в виде срезанных вдоль полуцилиндров.

Еще более поздней является пристроенная к колокольне широкая и неудобная лестница, неправильные формы которой обезображивают общий вид колокольни. Для высоких колоколен обычно лестница встраивалась в толщу их стен, а в низких они вовсе не имелись. Длинные веревки с колоколов позволяли звонить с земли, не поднимаясь наверх.

¹⁴ Шарден, Путешествие по Закавказью, Т., 1902, стр. 56.

Первое, что бросается в глаза, это полное несоответствие форм и качества выполнения всех частей колокольни. Неаккуратно и грубо построенная нижняя часть с ее неуклюжей лестницей, диссонирует с тщательно выполненной верхней частью. Однако правильные формы столбов и арок, kiosка, окаймляющие их украшения сухариков и выкружек, четкие линии вертикалей и квадров оставляют впечатление холодности и сухости, черт присущих не мастерству, а ремесленничеству их исполнителей.

Настоящее состояние нижнего яруса колокольни не дает никаких-либо убедительных материалов, которые бы позволили хоть приблизительно ее датировать. Как и сама церковь она в 1953 году была полностью отремонтирована: оштукатурена, забелена и покрашена изнутри маслянными красками, поэтому проследить без зондажа за сложением стен, свода и проемов, как и за системой облицовки, не представилось возможным. По своему характеру подобный тип колокольни, квадратный в плане со сквозным арочным проходом, выполняет несколько функций и, появившись в Грузии в конце XIII века, получает широкое распространение на протяжении всего последующего времени. Таким образом, почти неизменное плановое и конструктивное решение колоколен этого типа не ограничивается узкими хронологическими рамками какого-то короткого периода. На колокольне нет каких-либо декоративных украшений, которые бы проявили те или иные художественные и технические моменты, свойственные каждой определенной эпохе. Цоколь колокольни обходит широкий уступ полувалика с двумя маленькими полочками по сторонам. Профиль этого украшения по своему мотиву очень поздний, но из этого не следует, что и колокольня поздняя. Он мог быть вставлен в облицовку при ремонте колокольни в прошлом веке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

აფხაზთა
საზოგადოებრივი

По далеко неполному списку памятников культуры Абхазии, изданному в г. Сухуми в 1961 году обществом охраны памятников культуры,¹ на территории, лежащей между реками Кодор и Ингури насчитывается более трех десятков церковных сооружений зального типа. В этом, пока еще далеко не полном, списке памятников Илорский храм занимает свое определенное место. Выделяясь из числа зальных церквей Абхазии своими абсолютными размерами, продуманностью своих архитектурных форм, он является типичным для своего времени образцом, на котором выявляются художественные и конструктивные приемы, утвердившиеся в практике строительного дела Абхазии первой половины XI века. Отдельные моменты в исполнении некоторых архитектурных частей и декоративного убранства не отличаются высоким совершенством, какие наблюдаются на блестящих памятниках грузинского зодчества этого периода (Хциси, Саване), но найденные пропорции масс и стройность объемов, равно как и применение технических приемов, продиктованных условиями расположения здания, выдвигают его в ряд тех сооружений, на которых прослеживаются те же художественные стремления, характерные для ведущих районов средневековой Грузии. Таким образом Илорский храм является типичным примером культурной общности средневековой Абхазии с Грузией, чьи исторические судьбы связаны навсегда и уходят в глубь веков.

¹ Список составлен членом Президиума Абхазского Совета Грузинского общества охраны памятников культуры кандидатом исторических наук В. П. Пачулиа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Адзиеба И. Е., Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958.
 Аджинджал И. А., Жилища абхазов, Сухуми, 1957.
 Айналов Д. В., Некоторые христианские памятники Кавказа. Археологические известия и заметки, № 7—8, Москва, 1892.
 Алибегашвили Г. В., Рельефная плита из окрестностей Сухуми. Сообщения АН ГССР, т. XII, № 8, 1951.
 Амиранашвили Ш. Я., Вклад Грузии в сокровищницу мирового искусства. Тбилиси, 1963.
 Амиранашвили Ш. Я., История грузинского искусства. Москва, 1950.
 Аьтелава И. Г., Очерки по истории Абхазии XVII—XVIII веков. Сухуми, 1949.
 Анчабадзе З. В., Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959.
 Анчабадзе З. В., Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингорюкв «Георгий Мерчуле — грузинский писатель X в.». Сухуми, 1956.
 Бакрадзе Д. З., Кавказ в древних памятниках христианства. Тифлис, 1875.
 Бакрадзе Д. З., Очерки Мингрелии, Самурзакани и Абхазии. Кавказ. № 48—49, 1860.
 Бакрадзе Д. З., Сванетия. Кавказ, № 1—4, 1861.
 Белокуров С. А., Посольство в Дадриановскую землю. Материалы для русской истории. Москва, 1888.
 Бердзенишвили Н., Вазират в феодальной Грузии. Известия НИМК, т. X, 1949.
 Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С., История Грузии. Тбилиси, 1946.
 Беридзе В. В., Архитектура Грузии. Москва, 1948.
 ბერიძე ვ., ეგვიპტის ტაძარი „ღვთა ღვთისა“. *Ars Georgica*, I, Тбилиси, 1942.
 ბერიძე ვ., თბილისის „ლურჯი-მონასტერი“. *Ars Georgica*, I, Тбилиси, 1942.
 ბერიძე ვ., საეპანე (XI საუკუნის ქართული ხუროთმოძღვრების ძეგლი). *Ars Georgica*, I, Тбилиси, 1942.
 ბერიძე ვ., სამცხის ხუროთმოძღვრება XIII-XVI საუკუნეები, თბილისი, 1955.
 8. Brosset M., *Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847—1848*, VII, VIII SPB, 1849—1851.
 Б. С. Э., Абхазская АССР. т. I, Москва, 1950.
 Вахушти. История Грузии, ч. II, Тифлис, 1913.
 Всемирная история. т. III, Москва, 1957.
 Григолия К., Об одной Илорской иконе. Известия ИЯИМК им. П. Я. Марра, т. XIII, 1943.
 Грузинские народные праздники. Кавказ, № 8, 1875.
 Гулиа Д. И., История Абхазии. Тифлис, 1925.
 Джанашиа М., Абхазия и абхазцы. ЗКОИРГО, кн. XVI, Тифлис, 1894.
 Джанашиа Н. С., Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960.
 Джанашиа С. Н., Абхазия в I—X вв. Рукопись, хранится в Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа, АН ГССР.

Джанашиа С. Н., Георгий Шервашидзе. Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. III, 1939.

Джанашиа С. Н., Из истории Абхазского царства, Труды, ч. II, Тбилиси, 1952.

Джанашиа С. Н., О времени и условиях возникновения Абхазского царства. Труды, т. II, Тбилиси, 1952.

Долидзе В. О., Хозита-Майрам — документ культуры Грузии с народами Северного Кавказа. Сообщения АН ГССР, т. XV, № 2, Тбилиси, 1954.

Дубровин Н., История войны и владычества русских на Кавказе. т. I. кн. 2. СПб, 1871.

Дюбуа де Монперэ, Путешествие вокруг Кавказа. т. I, Сухум, 1937.

Е. К. (епископ Кирион), Краткий очерк истории грузинской церкви и епархата за XIX столетие. Тифлис, 1901.

Жордания Ф. Д., Абхазские католиконы. Ставрополь, 1893.

Жордания Ф. Д., Хроники. ч. I, Тифлис, 1893.

Жордания Ф. Д., Хроники. ч. II, Тифлис, 1897.

Званба С. Т., Этнографические этюды. Сухуми, 1955.

Инал-Ипа Ш. Д., Абхазы. Сухуми, 1960.

И. Н., Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Москва, 1898.

Кондаков Н. П., Древняя архитектура Грузии. Москва, 1876.

Кондаков Н. П. и Бакрадзе Д. З., Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии. СПб, 1890.

Кудрявцев К., Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1922.

Ламберти Арканджело, Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. С картой. 1654 года. Перевел с итальянского К. Ф. Гаи. СМОМПК, вып. 43, Тифлис, 1913.

Март Н. Я., Георгий Мерчул, Жизнь св. Григория Хандзтийского. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. VII, СПб, 1907.

Март Н. Я., Крещение армян, грузин, абхазцев и аланов святым Григорием, СПб, 1905.

Март Н. Я., О языке и истории Абхазов. Сочинения, т. I, Москва, 1938.

Март Н. Я., Религиозные верования абхазов. Сочинения, т. I Москва, 1938.

Мачавариани Н. Д., Семь дней в горах Абхазии. Батум, 1900.

Мачавариани Н. Д., Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому отделу, Сухум, 1912.

მეფისაშვილი რ., ერედვის 906 წლის ხეროთიმოდორელი ძეგლი. Ars Geographica, 4, Тбилиси, 1955.

Нордман, проф., Путешествие по Закавказскому краю. Журнал Министерства народного просвещения, ч. XX, СПб, 1838.

Очерки Истории Абхазской АССР, ч. I, Сухуми, 1960.

Павлинов А. М., Экспедиция на Кавказ 1888 года. МАК, вып. III, Москва, 1893.

Пачулиа В. П. (составитель), Список памятников культуры Абхазской АССР, Сухуми, 1961.

- Пачулиа В. П., По историческим местам Абхазии, Сухуми, 1962.
- Пачулиа В. П., По туристским маршрутам Абхазии. Москва, 1962.
- Полиевктов М. А., Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—1646 годов. Тбилиси, 1937.
- Прокопий из Кесарии, Война с готами. Москва, 1950.
- Пушкарев С., Абхазия и абхазцы. Кавказ, № 60—61, 1945.
- Северов А. Н., Памятники грузинского зодчества. Москва, 1945.
- Северов А. Н. и Чубинашвили Г. Н., Кумурдо и Нисборети, Тбилиси, 1947.
- Тарнава М. И., Краткий очерк истории Абхазской церкви. Сухум, 1917.
- Уварова П. С., Кавказ. Путевые заметки. Москва, 1887.
- Уварова П. С., Христианские памятники Абхазия, Аджария. МАК, вып. IV, Москва, 1894.
- Фадеев А. В., Краткий очерк истории Абхазии. ч. I, Сухуми, 1934.
- Ц. А. Абхазской АССР, фонд Имерет. Еп. Канц., д. № 11, 1868.
- Ц. Г. И. А. Г., фонд ОВД, д. 41.
- Чубинашвили Г. Н., Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959.
- Чубинашвили Г. Н., Архитектурные памятники VIII и IX веков в Ксанском ущельи. *Ars Georgica*, 1, Тбилиси, 1942.
- ჩუბინაშვილი გ., ბედისი ოქროს ბარძიმი საქართველოს სახელმწიფო მუზეუმის მოამბე, X, თბილისი, 1940.
- Чубинашвили Г. Н., Болнисский Снон. Известия Института языка, истории и материальной культуры, IX, Тбилиси, 1940.
- ჩუბინაშვილი გ., ქართული ხელოვნების ისტორია, ტ. I, თბილისი, 1936.
- Чубинашвили Г. Н., Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1948.
- Чубинашвили Г. Н., Развитие истории грузинского искусства как науки и ее очередные задачи. Тбилиси, 1956.
- Чубинашвили Г. Н., Саорбисская церковь. Христианский Восток (изд. АН), Петроград, 1916.
- Чубинашвили Г. Н. и Северов Н. П., Пути грузинской архитектуры. Тбилиси, 1936.
- Чубинашвили Н. Г., Развитие зальных сооружений Джавахетии с VI—VII вв. до середины XI века. Тезисы III научной сессии Института истории грузинского искусства АН ГССР, Тбилиси, 1948.
- Чубинашвили Н. Г. и Шмерлинг Ренэ, Храмы в древних селениях Триалети. *Ars Georgica*, 2, Тбилиси, 1948.
- Шарден Ж., Путешествие по Закавказью. Тифлис, 1902.
- Шмерлинг Ренэ, Алтарные преграды Грузии, *Ars Georgica*, 3, Тбилиси, 1950.
- Шмерлинг Ренэ, Грузинский архитектурный орнамент. Тбилиси, 1954.
- Шмерлинг Ренэ, Древний Цвимозетский храм близ села Хциси. *Ars Georgica*, 4, Тбилиси, 1955.
- Шмерлинг Ренэ, Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962.
- Шмерлинг Ренэ, Самтавро — памятник XI века, *Ars Georgica* 1, Тбилиси, 1942.

ՀԱՅԿԱՅԵԱՆ
ՆԱԿԳՅԵՅՈՒԹՅԱՆ
ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅԱՆ
ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅԱՆ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	стр.
Рис. 1. Генеральный план храма	37
Рис. 2. План	39
Рис. 3. Поперечный разрез на восток	40
Рис. 4. Продольный разрез на юг	41
Рис. 5. Продольный разрез на север	42
Рис. 6. Поперечный разрез на запад	44
Рис. 7. Восточный фасад	45
Рис. 8. Южный фасад	47
Рис. 9. Северный фасад	48
Рис. 10. Западный фасад	50
Рис. 11. Схема большого карниза	54
Рис. 12. Схема малого карниза	54
Рис. 13. Колокольня	56
Рис. 14. Реконструкция храма	65
Рис. 15. Фрагмент наличника окна	69
Рис. 16. Фрагмент навершия окна	71
Рис. 17. Фрагмент спаренной полуколонны	72
Рис. 18. Фрагмент одинарной полуколонны	73
Рис. 19. Резной крест на западном фасаде	74

Табл. I Общий вид. По фотографии 1875 года.

Табл. II Общий вид.

Табл. III Южный фасад.

Табл. IV Южный притвор.

Табл. V Вид с юго-востока.

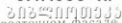
Табл. VI Восточный фасад.

Табл. VII Вид с северо-запада.

Табл. VIII Интерьер. Северо-восточный угол.

Табл. IX Интерьер. Юго-восточный угол.

Табл. X Интерьер. Южная стена.

- Табл. XI Интерьер. Юго-западный угол.
Табл. XII Окно на западном фасаде.
Табл. XIII Капитель спаренный полуколонны.
Табл. XIV База одинарной полуколонны.
Табл. XV Полуколонна на фасаде
вора.
Табл. XVI Рельеф св. Георгия на восточном фасаде
Табл. XVII Мармал-Абаа. Фрагмент интерьера.
Табл. XVIII Мармал-Абаа. Фрагмент интерьера.
Табл. XIX Северный придел. Фрагмент кладки при-
толки.
Табл. XX Икона св. Георгия.
Табл. XXI Икона св. Георгия.
Табл. XXII Икона св. Георгия.
Табл. XXIII Икона Спаса.
-

ქართული
ნაციონალური
ბიბლიოთეკა

ТАБЛИЦЫ

УСТАВ
УЧЕНИКА

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LIBRARY

UNIVERSITY OF
SOUTH ALABAMA

VII

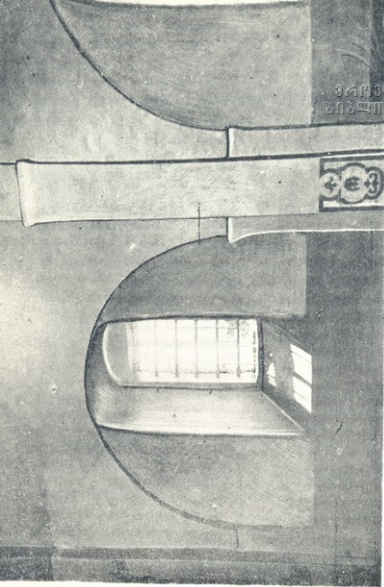

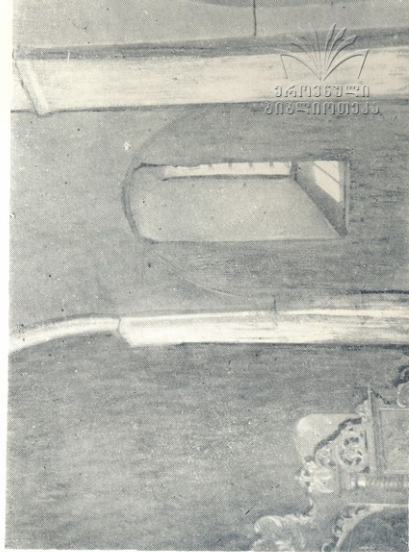
ՀԱՅԿԵՆՆԻ
ՅՈՅՆՈՒԹՅՈՒՆ

საქართველოს
საბჭოთა კავშირი

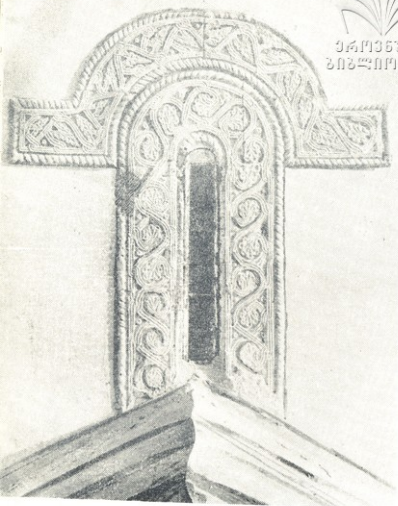

ქართული
ბიბლიოთეკა

ქართული
ბიბლიოთეკა

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Введение	5
Глава I. Исторические сведения об Илори	15
Глава II. Описание памятника	37
Глава III. Историко-художественный анализ	59
Заключение	79
Список использованной литературы	81
Список иллюстраций	85
Таблицы	1—XXIII

Анатоли Константиин-иџа Каџиа
Е Л Ы Р
(Аურიџе быџиџала)

ანატოლი კონსტანტინეს-ძე კაჯია
ი ლ რ ი
(რესულ ენაზე)

Техредактор О. Н. Рухадзе.

У905596. Сдано в набор 5.IX.1963 г. Подп. к печати 13.XI.1963 г.
Бумага 60x92¹/₁₆ 7,13 печат. листов. Учетно-издат. листов 5,67.
Заказ № 4153. Тираж 1000. Цена 36 коп.

Типолитография им. Ленина, Грузг.лавполиграфиздата, г. Сухуми.

T 13.956
3

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

Цена 36 коп.

T 13 .956

3

საქართველოს

ბიბლიოთეკა